

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

Проза
Русского
Севера

Северный крест

Проза Русского Севера

Валерий Поволяев

Северный крест

«ВЕЧЕ»

2018

Поволяев В. Д.

Северный крест / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ», 2018 — (Проза Русского Севера)

ISBN 978-5-4484-7673-0

История Северной армии и ее роль в Гражданской войне практически не освещены в российской литературе. Катастрофически мало написано и о генерале Е. К. Миллере, а ведь он не только командовал этой армией, но и был Верховным правителем Северного края, который являлся, как известно, «государством в государстве», выпускавшим даже собственные деньги. Именно генерал Миллер возглавлял и крупнейший белогвардейский центр – Русский общевоинский союз (РОВС), борьбе с которым органы контрразведки Советской страны отдали немало времени и сил... О хитросплетениях событий того сложного времени рассказывает в своем романе, открывающем новую серию «Проза Русского Севера», Валерий Поволяев, известный российский прозаик, лауреат Государственной премии РФ им. Г. К. Жукова.

ISBN 978-5-4484-7673-0

© Поволяев В. Д., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерий Поволяев

Северный крест

* * *

© Поволяев В. Д., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Часть первая

Узкая, похожая на хищную щуку миноноска стояла у причала в самом центре Архангельска – несла вахту.

Боевые корабли охраняли здешнее правительство. Конечно, миноноска – не линкор, своими орудиями не может развалить половину города, как это способен сделать огромный, серый, со скрипучей броней дредноут, но от скорострельных пушек ее, если кто-то вздумает нарушить покой северного правительства генерал-лейтенанта Миллера, тоже можно схлопотать немало неприятностей.

Трап, соединяющий корабль с берегом, был убран, на берег были брошены швартовы и намотаны на чугунные тумбы кнехтов¹ – один конец с носа, другой с кормы. У причальных концов этих сидели два матроса, один на носу, второй на корме и перекликались друг с другом ленивыми голосами.

– Ко мне еще одна пожаловала... Дамочка очень даже форсистая, с тонкой талией и большой верзохой.

– Может, ты канат салом смазал?

– Даже не думал.

– Тогда чего ж к тебе зачастили дамочки?

– Это у них надо спросить! – закричал призывно матрос, сидевший на корме. – Ты куда, милая, лезешь без очереди? Тебя что, в великосветских подворотнях Архангельска не научили уму-разуму?

– Каждый раз, когда приходим сторожить наших толстомясых правителей – обязательно набираемся ларисок, как тифозный больной – вшей, – недовольно проворчал матрос, стороживший носовой конец.

Был он широкоплеч, низкоросл, лицо имел округлое, неприметное. Приметной деталью были только золотистые пшеничные усы с лихо закрученными в игривые колечки концами. Глаза земляного цвета были суровы и насмешливы.

Матросы несли вахту – оберегали корабль от ларисок – портовых крыс, не пускали их на миноноску. Тяга ларисок к мореплаванию общеизвестна, стоит только где-нибудь бросить на берег конец, как тут же из ближайшей мусорной кучи высовывается любопытная ларискина морда, шевелит усами, а сама лариска, дама сообразительная, умеющая шурупить мозгами, начинает лихорадочно соображать, как же пробраться на корабль и занять теплое место в капитанской каюте. Из-за них-то командиры и ставят у причальных концов специальную вахту, чтобы матросы сшибали карабкающихся по канатам крыс в воду.

А какая-то изобретательная душа – явно из матросов, – которой лариски были противны до икоты, выдумала крысоотбойники.

Крысоотбойник – штука примитивная и, как всякий примитив, – безотказная. Это – стоячая фанерка, которая имеет дырку, смещенную к одной из сторон, для каната, точно по диаметру, чтобы фанера могла свободно вращаться, когда ее насадят на веревку.

Устанавливается фанерка на высоком канате, причем не одна, а сразу штук пять... Дальше происходит вещь простая – лариска ползет по канату, когтями щелкает, мечтает о той вожаденной минуте, когда будет пожирать сыр, спрятанный в капитанском буфете, и вдруг упирается чутким носом в преграду – пресловутую фанеру. Короткое движение влево, потом вправо, и становится понятно – фанеру не обойти, надо лезть через нее. И крыса карабкается

¹ Кнехт – стальная или чугунная тумба; укрепляется на палубе судна или на причале и служит для закрепления троса (швартовного или буксирного).

на фанеру, но, когда, наконец, взбирается на нее, на самый верх, фанера, не способная держать откормленное ларискино тело, переворачивается, и крыса летит в воду.

Фокус очень простой, но результативный – спас от попутчиц тысячи плавающих посудин – и военных, и гражданских.

На носовом конце миноноски было установлено пять крысоотбойников, на кормовом – семь.

У носового конца дежурил матрос, пользующийся на миноноске такой же известностью, как командир корабля лейтенант Лебедев – не было на миноноске человека, который не был бы должен Арсюхе Баринову хотя бы полушку: Арсюха давал деньги взаймы под проценты... Причем бумажные деньги он не признавал, старался оперировать только металлом.

– Бумажные деньги – это что такое? – спрашивал он у несмысленных морячков-салаг, пришедших служить на миноноску. – А?

– Деньги, – отвечали те нерешительными голосами.

– Какие же это деньги, пхих! Ими только задницу подтирать! – Арсюха доставал из кармана зеленовато-розовую десятку, такую же, что ходила и при царе, ничем не отличимую, кроме одного – сверху на червонце было аккуратно напечатано, черным по розовому: «Северная Россия», с хрустом складывал ее и начинал выковыривать из зубов застрявшую рыбную кость – Арсюха, северный человек, очень любил рыбу. – Разве это деньги? – Вид его делался презрительным.

Его напарник, сидевший на корме, Андрюха, бедный человек, у которого никогда не бывало денег более серебряного николаевского рубля, доставал из кармана другую кредитку, орехового цвета, достоинством в один карбованец, и благоговейно разглаживал ее на коленке:

– А как же Арсюха, быть с тем, что тут написано?.. Вот: «Государственная эмиссионная касса разменивает кредитные билеты на фунты стерлингов без ограничения суммы по курсу»... Сорок рублей равны одному фунту стерлингов. И подпись стоит: «Управляющий отделом финансов Куракин». Говорят – князь. Как быть с князем?

Арсюха вытаскивал изо рта кредитку вместе с рыбной костью, разворачивал ее и, мучительно морща лоб, шевелил губами.

– Верно... Написано...

– Так как же быть с князем?

– А вот так! – ожесточенно восклицал Арсюха и демонстративно комкал десятку в кулаке.

Рука у него, несмотря на солидную комплекцию и живот, который плотно обтягивала форменка, была изящной, узкой, изнеженной, как у потомственного дворянина.

– Это же – деньги! – Андрюха невольно переходил на шепот. – На них можно купить хлеба...

– И с тем же успехом сходить в галюн, потереть себе репу, бумага плотная, мягкая, такая не прорвется, пальцы не испачкаются... Приберем для галюна. – Арсюха прятал червонец в карман.

– Отдай его лучше мне, – просил Андрюха.

– Зачем?

– Водки куплю.

– Не дам. Если я отдам тебе эти деньги, то на меня обидится задница. А свою задницу я люблю не меньше, чем кухарку из дома господ Миллеров. – Арсюха косился на берег, на сочную зелень деревьев, украшавших набережную.

Человеком Арсюха был прижимистым, не то что матрос первой статьи Андрюха по фамилии Котлов.

У Андрюхи характер был совсем иной. Если бы Арсюха попросил у него деньги, Андрюха никогда не стал бы жаться; отдал бы последнее – а вдруг жалкие бумажки эти продлят человеку жизнь либо спасут заблудшую душу? И никаких процентов не стал бы брать.

У Арсюхи таких промахов не бывало – Арсюха никогда никому не давал и рубля, не заручившись возвратом денег и не уговорившись о процентах, которые этот рубль должен притащить в его карман у себя на хвосте.

Потому и живут они по-разному, Баринов и Котлов, и одеты по-разному: Арсюха – во все английское, обут в ботинки из толстой оранжевой кожи, форменка сшита у него из плотной синей ткани, которую ни солнце не берет, ни вода, штаны-клеши на Арсюхе такие, что одним проходом по улице он, будто примерный дворник, всю Соломбалу очищает от мусора и окурков, не говоря уже о центральных проспектах – даже юбки у баб, кажется, не бывают такой ширины; у Андрюхи же Котлова все худое. Штаны с форменкой он даже не помышляет себе сшить, довольствуется тем, что дают на корабле, обувь носит корабельную. А что на корабле, кроме дыр да заплат, могут дать? Только дыры и заплаты.

– Я материи жалеть на себя не намерен, – говорил Арсюха и топал по земле короткими, плотно сбитыми ногами-тумбами. – Если мне понадобится израсходовать на клеши двадцать метров, я не задумываясь тут же куплю их... Понятно?

Андрюха такие разговоры не поддерживал – знал, что окажется в проигрыше. Себе будет дороже...

Причал, у которого стояла миноноска, был деревянным, в щелях хлюпала вода, около свай плавала дохлая треска, изрубленная винтами – не успела самодовольная рыба увернуться, вот ее и приволокло сюда; чуть в сторонке сидел дымчатый усатый кот и заворуженно смотрел на рыбу – был голоден.

Пахло морем, гнилыми водорослями, солью, мокрым деревом, еще чем-то непонятным и острым, из камбуза доносился запах еды – кок Митька Платонов готовил на обед борщ, настоящий флотский борщ, в котором черпак стоит, как солдат на часах – по стойке «смирно», – стоит и не заваливается.

Из щели в причале наружу выбралась большая рыжая крыса с одуванчиково-светлыми, странно светящимися усами, будто она работала в местном театре художником и пустила краску не по назначению; крыса озабоченно покрутила головой, задержала презрительный взгляд на неподвижном коте, фыркнула по-собачьи, затем, окинув опытным взглядом миноноску, неторопливо полезла на канат.

Двигалась она ловко, уверенно – видать, немало покаталась на кораблях, заходивших в архангельский порт. Арсюха довольно потер руки.

– Давай, давай, усатая, носатая, зубастая, злобная, спеши, спеши сюда, родимая. – Хоть и сонные глаза были у Арсюхи, но очень цепкие – он видел все. Одновременно мог следить за несколькими объектами, причем друг от друга далекими, такими, что сразу не разглядишь – чтобы разглядеть их, надо не менее четырех раз обернуться вокруг себя.

Крыса, словно бы услышав приглашение человека и уловив в его голосе доброжелательные нотки, двинулась по носовому канату быстрее.

– Молодчага! – похвалил ее Арсюха. – Пхих!

Кот, сидевший на причале, проводил крысу долгим, ничего не выражающим взором и вновь стал смотреть на дохлую треску, плавающую в воде. Треска была ему интереснее злобой, истекающей салом крысы.

Не доходя до первой фанерки метра три, крыса остановилась, приподняла голову, зашевелила светящимися желтыми усами, соображая, как же действовать дальше, и вновь поползла вперед. Вообще-то она могла и не напрягать свои мозги, ведь еще ни одна крыса, пробирающаяся на корабль, не повернула назад: всякая крыса в таких ситуациях бывает нацелена лишь на одно – вперед и только вперед!

– Пхих! – то ли чихнул, то ли кашлянул, то ли напряг свою задницу Арсюха, это был его коронный звук, и чем он его производил, понять было невозможно.

Крыса заскользила по канату быстрее – необычный звук подогнал ее. У самой фанерки она приподнялась на задние лапки, выглянула из-за отбойника, будто из-за некоего боевого бруствера, и, встретившись взглядом с Арсюхой, недовольно пошевелила усами.

– У меня еще одна мадама, – тем временем сообщил Андрюха.

Послышался влажный шлепок – это Андрюха взмахнул палкой и сбил «мадаму» в воду.

– У меня сейчас тоже будет, – запоздалым эхом отозвался Арсюха. Поманил крысу пальцем. – Утю-тю-тю! Иди сюда скорее, голуба, я соскучился по тебе. Пхих!

Обнюхав отбойник, крыса не нашла в этой плотной, пахнущей другими крысами фанерке ничего опасного для себя и неторопливо полезла на нее. Человека она не боялась, встреча с двуногим «венцом природы» была заложена в ее голове, запрограммирована, она не ведала пока, как его обойдет, но то, что сумеет его обойти, знала точно.

– Утю-тю-тю! – вновь поманил к себе крысу Арсюха.

Крыса впилась когтями в фанерку, повисла на ней, словно большая жирная муха, потом подтянулась, всадила в дерево когти задних лапок. Прошло немного времени, и она достигла вершины отбойника.

– Пхих! – чихнул Арсюха.

Арсюхино «пхих!» подействовало на крысу, как команда, она перевалила через вершину отбойника, вытянула перед собой тонкие маленькие лапки, прицелилась – важно было сползти с фанерки и точно попасть когтями в канат.

Фанерка дрогнула – на канат она была насажена плотно, без зазора, но не настолько, чтобы не отреагировать на вес крысы, – и ее высокий конец неторопливо пополз вниз. Крыса впилась в нее когтями, заверещала, фанерка убыстрила ход, и тяжелая желтоусая лариска не удержалась на ней, торпедой понеслась вниз, в черную, маслянисто поблескивающую воду.

От тяжелого шлепка поднялась мелкая волна, врезалась в скулу миноноске. Арсюха лениво поднялся, глянул вниз. Крыса барахталась в воде, не зная, куда направиться.

– Что, можно поздравить? – выкрикнул с кормы Андрюха.

– Можно. Дамочка моет ноги. Собралась на бал, а туда, – Арсюха захихикал, – с грязными ногами не пускают.

– Меня эти дамочки совсем замучили – передохнуть не дают, лезут одна за другой – готовы шлепаться на колени.

– Тьфу! – отплюнулся Арсюха, приподнялся снова – по набережной, пуская из выхлопной трубы кудрявый белый дымок, катил автомобиль.

Агрегат был роскошный – с зеркальными никелированными крыльями, сверкающими колесами – в спицах игриво путалось солнце, било в глаза веселыми зайчиками; сбоку, прямо под рукой у шофера, висел громоздкий резиновый клаксон с бронзовой дудкой. Арсюха проводил автомобиль завистливым взглядом и уважительно молвил:

– Жена генерала Миллера поехала. Очень достойная особа. Генерал зовет ее Таточкой.

– А ты откуда знаешь?

– Я знаю все.

– Всё знают только все.

Арсюха Баринов был прав – генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер звал жену Татой.

Миллер женился, едва окончив кавалерийское училище и став корнетом² лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. Супругой его стала красивейшая девушка Наташа Шипова, внучка Натальи Гончаровой, жены Пушкина. Мать Наташина Софья Петровна была родной дочерью Натальи Николаевны от второго брака. Внучка унаследовала красоту и обаяние бабушки. Впрочем, не только это, но и недюжинный ум, способность разрешать конфликты

² Корнет – соответствует современному воинскому званию «лейтенант», на погонах – один просвет и две звездочки.

самые неразрешимые, умение быть настоящей хозяйкой дома и защищать интересы мужа. Это была редкостная женщина.

– Пхих! – выдохнул Арсюха и взялся за палку, лежавшую рядом, – пора было сыграть в городки: на причале вновь показалась крыса – такая же рыжевато-серая, как и предыдущая, с электрически светящимися желтыми усами. – Новая порода, что ли? – нехорошо удивился Арсюха.

Крыса настороженно глянула на миноноску, заметила человека, сидящего на носу, и опасно пригнулась. Некоторое время она размышляла: пытаться ли проникнуть на корабль или нет, но тяга к плаваниям, к романтическим историям и приключениям взяла верх, и крыса аккуратно, стараясь, чтобы тяжело провисший причальный конец не уползал из-под лап, двинулась на миноноску.

– Давай, давай! – входя в азарт, подогнал крысу Арсюха. – Сейчас мы устроим маленький салют из ларискиной утробы. Нам будет аплодировать вся набережная.

Крыса на ходу приподняла голову, прислушалась к человеческой речи, не уловила ничего опасного для себя и поползла дальше. Желтые усы у нее призывно светились.

– Пхих! Давай, давай, ларисочка! Шевели мослами, скрипи костяшками!

Лариска послушалась Арсюху, зашевелила «мослами» проворнее, заскрипела «костяшками». Арсюха подкинул в руке палку, берясь за нее поудобнее – главное, чтобы палка оставалась в тени борта, не вспугнула крысу. Крыса остановилась перед поваленной фанеркой, понюхала ее и, неспешно перешагнув через срез, двинулась дальше.

– Утю-тю-тю! – подогнал ее Арсюха хриловатым голосом, сделал пальцем манящее движение.

Через полминуты крыса была уже у самого борта. Арсюха проворно взметнул палку – раздался противный мокрый шлепок, крыса взвизгнула и тряпичным мячиком взвилась вверх, задержала на лету лапками.

Удар был сильным, конец палки разом сделался бруснично-красным, во все стороны брызнула кровь.

– Вижу, дама пролетела, – подал голос с кормы Андрюха.

– Да вот, захотела поиграть со мной в лапту, – пояснил Арсюха степенно, постучал палкой о борт миноноски, стряхивая с нее кровь, – и проиграла.

– Ясно, где уж ей с ее рваными калошами в наш калашный ряд!

Через несколько мгновений сочный шлепок раздался и на корме – Андрюха Котлов также «сыграл в лапту» с крысой. Крыса досталась ему тяжелая, с раздутыми боками – видимо на сносях, ее впору было перетягивать ремнем, чтобы не разлезлась кожа на талии, – в воду лариска шлепнулась с таким шмяканьем, что около миноноски вновь вздыбилась волна.

– Земеля, сколько ты отправил дамочек в дальнейшее плавание? – прокричал с кормы Андрюха Котлов.

– Не считал. Штук двенадцать, наверное.

– Я – больше. У меня – двадцать две.

– Дуракам всегда везет, – недовольно пробормотал себе под нос Арсюха Баринов – не любил, когда его хоть в чем-то кто-либо опережал.

– На месте командира я бы отошел на ночь метров на пятнадцать от берега и заякорился там. Иначе нас загрызут крысы.

Арсюха промолчал: не его это дело – решать, где ночевать – в море, в Северной Двине либо у какой-нибудь кухарки на берегу.

С кормы снова донесся сочный влажный шлепок, затем странное жужжание, словно воздух разрезала гигантская пчела, прилетевшая из большого городского парка, и в воду шмякнулось грузное тело.

– Двадцать три, – негромко констатировал Андрюха. – Интересно, Арсюх, а на время обеда нас с тобою сменяют или нет?

– Откуда я знаю, – со вздохом, в котором сквозило раздражение, пробормотал Арсюха.

– Плохо будет, если не сменят. Не то кишка кишке уже фигу показывает, требует чего-нибудь на зуб.

– Если крысу завялить на ветерке, она будет съедобна или нет?

– Матросы с голодухи не только крысами лакомятся – едят даже деревянную обшивку палуб, пропитанную солью. Сам видел.

Из досок причала, в сырую широкую щель вновь высунулась крысиная морда с влажным смышленным взором и знакомыми желтыми светящимися усами. На причале продолжал сидеть небольшой печальный кот и поедать глазами плавающую в воде треску.

– Пхих, – привычно фыркнул Арсюха и поманил крысу: – Утю-тю-тю! Топай быстрее сюда! Чем больше мы оприходуем ларисок – тем лучше будем спать ночью.

– Всех ларисок мы не перебьем никогда! – прокричал с кормы Андрюха, последовал смачный шлепок, и в воздух с писком взвилась очередная крыса – их в Архангельске в шестьдесят четыре раза больше, чем людей. Специалисты подсчитали.

Описав в воздухе широкую дугу, лариска спланировала было на набережную, но не дотянула и шлепнулась в воду.

Стояло жаркое лето тысяча девятьсот двадцатого года.

– Утю-тю-тю, дуй сюда! – пригласил Арсюха очередную крысу на корабль. – Здесь тебя ждет сладкое угощение. – Он покрепче сжал руками палку. – Слаще не бывает. Гы-гы-гы! – В следующую минуту на его лбу возникли недоуменные морщины. – И кто вам имя такое красивое придумал: лариска? А? Зовут, как расфуфыристых господских кухарок и дворничих.

Словно ободренная приглашением, крыса вскарабкалась на канат и поползла на миноноску, задумчиво пофыркивающую водоотливкой – трюх-трюх, трюх-трюх...

Через минуту крыса получила сильный удар по жирному телу – Арсюха не рассчитал силу, вложил в удар больше, чем положено, крыса шмякнулась не в воду, а на набережную, перемахнув через весь причал, приземлилась на камни, обрызгала их кровью.

– Ты чего! – предостерегающе закричал Андрюха. – За это нам старшой может в одно место фитиль вставить и запалить его. Рванет так, что мужское достоинство превратится в обычную яичницу.

– Собаки подберут, – лениво отозвался Арсюха, – через двадцать минут набережная будет чиста, как стол в кубрике после обеда.

– Держи карман шире. Собаки ныне даже английскими консервами стали брезговать, не то что сомнительной свежениной. Собака крысу есть не станет.

Печальный кот проводил взглядом крысу, совершавшую последний полет, и вновь перевел взор на треску, плавающую в воде.

Жарко было в Архангельске. Так жарко, что днем на камнях можно было печь картошку.

* * *

В доме Миллера звучала музыка – Наталья Николаевна сидела за роялем. Евгений Карлович, светлоглазый, с хорошей выправкой и поджарой фигурой, с тщательно остриженными усами, благоухающий лондонским парфюмом, приехал домой на обед.

Щелкнув кнопками белых парадных перчаток, положил их на столик в прихожей, глянул на себя в зеркало. Остался доволен – не стыдно показываться Тате. Можно было, конечно, пообедать и в штабе, в гостевом зале, куда генерал-губернатор Северной области иногда навещался с гостями – в основном иностранными, но хотя бы немного времени Евгению Карловичу хотелось провести с женой.

Уже двадцать три года они вместе, у них уже подросли дети, сын стал ростом выше отца, большая часть жизни осталась позади, а Евгений Карлович до сих пор при виде жены ощущает молодое воодушевление и иногда, обронив неловкое слово, краснеет перед ней, как мальчишка. Он прислушался, стараясь угадать, что же играет Наталья Николаевна. Нет, не угадал... Да и играла жена на этот раз не по памяти, а по нотам, скованно. Когда она играет по памяти, звук у рояля бывает совсем другой – какой-то игривый, убыстренный, усиленный, что ли.

Более полугода уже Миллер живет в этом доме, а привыкнуть к нему не может, как не может привыкнуть и к природе здешней, к снегам выше крыши, розовому воздуху и морозам, легко разваливающим вековые гранитные валуны на несколько частей.

В Витебской губернии, где Миллер родился, таких морозов нет – там о зверствах стужи даже не слышали. В родном городе Миллера Динабурге³ зимы всегда бывали мягкими, каждый год на главной площади города заливали водой снежную гору, на которой с утра до вечера густо лепилась малышня.

Собственно, зима в Архангельске – тоже не самая суровая, на севере есть места, где из жилья вообще нельзя носа высунуть, вода, вылитая из кружки на снег, до земли не долетает – вместо нее шлепаются звонкие ледышки. Лето в Архангельске стоит жаркое. Короткое и жаркое, с несметью света, в котором плавают тонкие серебряные паутины.

В Архангельск семья Миллеров прибыла из Парижа, где Евгений Карлович безуспешно пытался сформировать из остатков Русского экспедиционного корпуса армию, но дело это было заранее обречено на провал: уставшие солдаты не хотели умирать на чужбине, рвались в Россию, домой, и генеральские уговоры на них не действовали.

В конце концов Миллера пригласил к себе русский посол Маклаков⁴, вальяжный, с длинной душистой сигаретой, засунутой в изящный, с точеными колечками, свободно висящими на узорчатом теле, четвертьметровый мундштук – мундштук был восточный, выточен в Индии из слоновой кости и привезен в Европу...

За окном уютного тихого кабинета кружились крупные невесомые снежинки.

– Что-то рано ныне полетели белые мухи, – озабоченно глянув в окно, проговорил Маклаков, – для Парижа это явление совсем нетипичное. – Маклаков не сдержал вздоха – он скучал по России. И Миллер тоже скучал, очень скучал. – Поздравляю вас, Евгений Карлович, – сказал посол.

– С чем?

– Сегодня утром мировая бойня, которую мы в нашей печати именовали Великой войной, закончилась.

– Господи... – Миллеру показалось, что он услышал собственный стон; он глянул на роскошный календарь, висевший на стене кабинета. Было одиннадцатое ноября. Перекрестился.

– Вчера подписаны последние документы с Германией о перемирии. На фронтах перестали стрелять пушки. Больше они стрелять не будут. – Маклаков помял пальцами седеющие виски, потом сделал гостеприимный жест, указывая на стул, прислоненный к игральному столу. – Садитесь, Евгений Карлович! В ногах правды нет.

Миллер сел на стул, оглядел столик, стоящий рядом, – Маклаков любил все восточное, и это был не стол, а произведение искусства, изящный, резной, сделанный на Востоке, – и не увидел его броской красоты. Лицо у Миллера было ошеломленным.

– Господи, наконец-то, – проговорил он тихо, – наконец-то! – Снова перекрестился.

³ Динабург – ныне город Двинск.

⁴ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – дворянин, адвокат, депутат II–IV Государственной думы, один из лидеров кадетов, был избран депутатом Учредительного собрания от Москвы. В 1917 г. посол во Франции. После Февральской революции выступал за восстановление монархии. Эмигрировал.

– Я тоже считаю – наконец-то! – грубовато проговорил посол. – Эта война искалечила землю, вместо сердца у планеты – дырка. В таких войнах не бывает победителей – бывают только побежденные, да и те в основном калеки.

– Сейчас мы еще не можем подсчитать потери, – прежним тихим голосом произнес Миллер, он все еще не мог прийти в себя, – подсчитаем лет через пять и ужаснемся! – Он посмотрел выжидательно на посла, словно искал у него поддержки.

Посол промолчал. Он перебирал бумаги, лежавшие на игральном столике. Отложил в сторону вначале одну бумагу, потом другую.

– Из России пришли две телеграммы, Евгений Карлович, – сказал он. – Вас просят срочно выехать в Архангельск. По всей стране развернулась нешуточная борьба с большевиками. Вам предлагают возглавить эту борьбу на Севере.

Миллер согласно наклонил голову:

– Я готов.

– Точных сведений о том, что там происходит, у меня нет, – сказал Маклаков, – да и те новости, которые мы получаем из России, доходят сюда с двухнедельным опозданием. Ясно одно: Россия в огне. – Сигарета, венчавшая длинный мундштук Маклакова, погасла, посол выдернул ее коротким, очень ловким движением, опустил в пепельницу. – Ленин пытается создать государство, которое бы работало, как некая бездушная железная машина: все граждане должны трудиться и сдавать свою продукцию на приемные пункты. Взамен получать еду и одежду... Этакая всеобщая трудовая повинность на государственных предприятиях. Полное исключение частной собственности. Свободной торговли, конкуренции товаров нет и не будет. Любой бунт подавить в таких условиях – все равно что муху приклепнуть газетой. Во главе этой пирамиды стоят вооруженные рабочие вместе с Лениным, они дергают рычаги и управляют всем движением. В основе всего – тоталитаризм, жестокая подчиненность, стальная диктатура, рассчитанная на чугунные умы. Вот так, Евгений Карлович.

Маклаков знал не больше, чем Миллер. То, о чем сейчас рассказывал посол, Миллер тоже знал. Не позже, чем вчера, за ужином, он объяснял Тате, что большевики разложили, превратили в гниль фронты и превратили вчерашних умелых солдат в разбойников. Сколотившись в банды, они меняли власть в городах, будто сбрасывали соломенные шляпы – одним взмахом штыка. Так в России пришли к власти большевики – на разбойных штыках. Этих людей надо было осадить, а остальным – дать еду, работу, одежду, зарплату, жилье, но ничего этого большевики дать не могли. Ни сил, ни возможностей у них для этого не было. Но они нашли выход – дали людям войну. Гражданскую.

Наталья Николаевна, выслушав мужа, долго молчала. Молчание ее было подавленным.

– Я никогда не думала, что это может быть так примитивно, Эжен, – сказала она.

– Увы!

– Господи! – Наталья Николаевна прижала пальцы к вискам. – Бедная Россия!

– Я и сам не думал, пока в этом не разобрался. Пришлось прочитать речи революционных вождей – Троцкого и Ленина.

И вот – повторение разговора у посла. Одни и те же слова, одни и те же мысли. Даже интонации те же – все повторилось. Миллер поднялся со стула, сжал одной рукой другую. Услышал хруст костей.

– Я готов! – повторил он.

– Добираться придется морем до Мурманска, – сказал Маклаков, – а там будет уже просто: в Мурманск из Архангельска за вами придет судно.

– В Архангельске уже зима, – заметил Миллер.

– Значит, придет ледокол, – блеснул своими познаниями северной жизни посол. – Но советую вначале заглянуть в Лондон, к военным. Англичане, насколько я знаю, готовы информировать вас о своих планах. В Архангельске и в Мурманске у них стоит несколько батальонов.

– Это что, оккупация? – не выдержав, спросил Миллер.

– Нет, бескорыстная помощь добрых союзников. Ну, – Маклаков протянул ему руку, – счастливого пути вам. Главное – на море сейчас нет этих ужасных немецких субмарин. От подписанного перемирия до мира с Германией осталось сделать всего четверть шага.

Миллер послушался совета русского посла и завернул в Лондон, где встретился с начальником Генерального штаба британских вооруженных сил генералом Вильсоном. Разговор шел на английском, который Миллер знал очень хорошо, поэтому мог в лающей речи Вильсона засекать не только тона, но и полутона, и полутона для него значили гораздо больше, чем общий, слишком бодрый настрой речи красноглазого британского вояки: глаза у Вильсона были красными, словно бы он пытался промыть их керосином.

Гораздо чаще Архангельска в речи Вильсона звучал Мурманск – бывший Романов-на-Мурмане. В Мурманске стояли два английских крейсера «Глори» и «Конкрен», а также французский крейсер «Адмирал Об», сухопутных же сил было немного – несколько батальонов. Капля в море – только на зайцев охотиться.

– А если усилить ваше воинское присутствие в Северной области, генерал? – аккуратно предложил Миллер. Перед отъездом он получил телеграмму из Архангельска за подписью некоего Чайковского⁵, о котором раньше ничего не слышал, с предложением занять кресло генерал-губернатора, и теперь, таким образом, говорил от имени огромной территории – всей Северной области.

– Не можем, – отрицательно качнул тщательно причесанной головой Вильсон, уголки губ у него раздраженно дернулись.

– Это почему же? – поняв, в чем дело, насмешливо поинтересовался Миллер.

Миллер знал, что у англичан существовал план – перебросить несколько корпусов на Волгу, Дон и создать таким образом новый фронт против Германии, вторгшейся на украинские земли. При такой постановке вопроса Север англичанам был совершенно не нужен, он только отвлекал внимание. Но план сгорел, а отрыжка от него осталась.

Кстати, по причине открытия нового фронта «самостийную Украину» спешно признала Франция – произошло это пятого декабря семнадцатого года, а зимой, в начале восемнадцатого года «самостийную» признала и Англия.

Впрочем, планам союзников не суждено было сбыться. Из-за Японии. Англичане имели непростительную наивность предполагать, что на Волге окажутся интересы у Японии – богатый ведь кусок земли... И совершенно бесхозный. Но Волга оказалась интересна японцам не больше, чем река Миссисипи или мутный Заир, протекающий в Африке, в Токио на планы англичан даже головы не повернули.

Гораздо больше Японию интересовала, например, Камчатка. Страна восходящего солнца была готова работать своими железными челюстями сколько угодно, лишь бы получить приглянувшийся кусок России.

⁵ Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) – политический деятель. С 1869 г., будучи студентом физико-математического факультета Петербургского университета, входил в состав народнического кружка, вошедшего в историю как кружок чайковцев. После его разгрома в 1874 г. эмигрировал в США, с 1879 г. жил в Европе. В 90-х гг. один из основателей «Фонда вольной русской прессы». В 1907 г. вернулся в Россию и был арестован, проведя год в Петропавловской крепости, порвал с эсерами и отошел от политической деятельности. После февраля 1917 г. – член ЦК Объединенной трудовой народно-социалистической партии, член исполкома Совета крестьянских депутатов и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, был избран членом Учредительного собрания от Вятской губ.; после октября – член Комитета спасения Родины и революции и один из руководителей Союза защиты Учредительного собрания и Союза возрождения России. 2 августа 1918 г. «народный социалист» Н. В. Чайковский стал председателем Верховного управления Северной области (ВУСО), сформированного в день занятия Архангельска англо-американским десантом. 28 сентября ВУСО сложило свои полномочия, и Чайковский при поддержке посла США Д. Фрэнсиса сформировал Временное правительство Северной области. До февраля 1920 г. он был его председателем и управляющим отделом иностранных дел. Как член русской заграничной делегации участвовал в работе Парижской мирной конференции. В 1920 г. входил в правительство А. И. Деникина. Н. В. Чайковский был осужден заочно, объявлен «врагом народа» и лишен права въезда в Советскую Россию под угрозой расстрела.

Но Камчатка приглянулась и Америке. Вообще, Штаты начали с раздражением ощущать, что Япония набрала слишком большую силу и может теперь вздыбить в Тихом океане, где Америка считается единовластной хозяйкой, слишком крупную волну.

Словом, обстановка была беспокойная. Отовсюду валил вонючий черный дым и выплескивался огонь.

– Ситуация изменилась, немцы подписали мир, – сухо заметил Вильсон.

– Не мир, а перемирие.

– Это одно и то же. – Вильсон повысил голос, который сделался скрипучим, каким-то режущим: говорил – будто бумагу кромсал. – Да и наши крейсера, стоящие в Мурманске, заняты будут в основном охраной английских грузов, находящихся на полуострове. Сил – достаточно.

Мурманск был забит английскими товарами, это Миллер знал. Как знал и другое: местная власть во главе с Юрьевым, бывшим кочегаром, лихим человеком, балагуром и разбойником, сочинявшим, кстати, неплохие стихи, живет с «мурманскими англичанами» довольно сносно, в ладу и согласии, – они не трогают друг друга, стараются помогать; если кто-то в пьяном виде норовит улечься в грязную канаву, не дают этого сделать.

Миллеру, однако, стало понятно и то, что англичане, несмотря на малые свои силы, постараются задержаться на Русском Севере как можно дольше – и совсем не для того, чтобы воевать с большевиками (самого Вильсона и его патронов устраивает любая тамошняя власть, независимо от цвета, красная она или белая или же еще какая-то – полосатая либо клетчатая), цель у англичан другая – установить над Северной областью свой контроль. Причем контроль не только экономический, но и политический.

А так они готовы ужиться с кем угодно, даже с тресочьими душами и оческами-лешими, пригнанными из печорских чащоб, лишь бы им покорно смотрели в рот и с зачарованным видом слушали английскую речь.

Это было грустное открытие. Такая политика могла в конце концов привести к окончательному захвату Северной области.

Десятого января 1919 года Миллер прибыл в Мурманск, где не мешкая пересел на ледокол «Канада». Ледокол взял курс на Архангельск.

Тринадцатого числа – чертову дюжину Евгений Карлович обычно старался избегать, только не всегда это удавалось, – он прибыл в Архангельск, где его встречали высшие чины Северной области. Несмотря на мороз и то, что мундштуки медных труб прилипали к губам музыкантов, оркестр исполнял бравурные мелодии. Музыканты сплевывали на снег лохмотья кожи с окровавленных губ. Председателя Временного правительства Северной области Чайковского в Архангельске не было – он отбыл в Париж.

В голове Евгения Карловича мелькнула усталая мысль о том, что Чайковский попросту сбежал из Архангельска... Вот только почему он это сделал? Кто ответит на этот вопрос? Миллер выбросил сомнения из головы – и без них разламывало череп.

В комнату заглянула Наталья Николаевна, всплеснула руками:

– Боже! Ты здесь? Я и не слышала, как ты пришел. Что же ты не сказал, что появился?

– Ты так хорошо, так вдохновенно играла, что я просто не решился тебе помешать. – Миллер взял ладони жены в свои руки, поочередно поцеловал. Проговорил виновато: – Прости меня.

Со времени их женитьбы прошло много лет, а он продолжал любить эту женщину как в юности, с тем же жаром. Она нежно коснулась пальцами его щеки, улыбнулась понимающе.

– Сегодня повар собирается угостить нас северной семгой свежего посола.

Семга таяла во рту. На столе красовался графин водки с плавающими внутри лимонными корочками. Миллер хоть и не одобрял разные стопочки, рюмочки и вообще крепкие напитки, если их было много, но пару рюмок водки, настоящей на лимонных корках, за обедом мог

выпить. Здоровью две стопки повредить никак не могли, а вот настроение поднимали на весь день.

Кроме графинчика на столе было кое-что еще: две бутылки французского вина, белого и красного, в тарелке высилась горкой крупно нарезанная английская консервированная ветчина, мясо – тоже из английских запасов, исландские шпроты, норвежская селедка, а также несколько блюд с продуктами, взятыми на складах у союзников. Только хлеб, лежавший на большом расписном подносе, пшеничный и ржаной, был родным, отечественным, да еще великолепная семга, тающая во рту...

Миллеру сделалось грустно. Не хотел он пить водку, но одну стопку, чтобы поднять себе настроение, придется выпить.

Он придвинул к себе рюмку. Произнес спокойным, чуть хриплым голосом (утром выходил в море – там сильно штормило, дул холодный северный ветер, и генерала просквозило):

– Сегодня в Архангельск вернулся отряд поручика Жилинского. Привез документы от Александра Васильевича Колчака. Я распорядился, чтобы Жилинскому досрочно присвоили звание штабс-капитана.

– Сколько же времени он потратил, чтобы добраться до Архангельска? – спросила Наталья Николаевна.

– Из Омска он выехал двадцать восьмого мая, в Архангельск прибыл сегодня. Прошел полторы тысячи верст.

– Месяц, – задумчиво произнесла Наталья Николаевна, – и полторы тысячи верст.

Еще в марте, восьмого числа Миллер отправил к Колчаку так называемый Сибирский экспедиционный корпус во главе с есаулом Мензелинцевым, который в Омск прибыл в мае. Идея Миллера связать все белые фронты – Северный, Южный, где главенствовал Деникин, Сибирский и Дальневосточный, находящиеся под крылом Колчака, понравилась адмиралу.

Мензелинцев даже сделал подробный доклад в Ставке адмирала, изложил план совместных действий войск Колчака с Северной группой Миллера, сорвал овации, а потом влился со своим отрядом в одну из сибирских армий: Мензелинцеву не терпелось очутиться на фронте.

В экспедиционном корпусе, кроме русских, были англичане – один офицер и два солдата, – в Архангельск они вернулись вместе с Жилинским.

Наталья Николаевна была очень далека от всех этих перемещений, но тем не менее мужа выслушала с вниманием.

– И что будет дальше? – спросила она.

– Мы начнем наступать по Двине на Котлас, потом повернем на Вятку. Под Вяткой и произойдет соединение с войсками Колчака, – лицо Миллера осветилось изнутри, сделалось мягким, – а это... ты даже не представляешь, что это такое! Единый фронт против большевиков – это победа, Тата. Победа, за которую следует выпить.

Миллер налил себе вторую стопку водки. Это не понравилось Наталье Николаевне, она укоризненно посмотрела на мужа. Произнесла тихо:

– Эжен...

– Я понимаю, что в отличие от русских мужиков имею совершенно другую конструкцию и не могу пить водку из горлышка, лихо раскрутив бутылку и опрокинув ее вверх дном. Но я же живу в России...

– Ну и что?

– Россия пьет. И много пьет. – Миллер вздохнул и перевел разговор в другое русло. – Из Мурманска в Архангельск доставлены большие запасы оружия, патронов и обмундирования для передачи частям Колчака...

– В таком случае ты попадешь в подчинение к адмиралу.

– Ну и что? – Миллер махнул рукой, жест был беспечным. – Чего-чего, а этого я как раз не боюсь.

– Может, ты напрасно не принял предложения Временного правительства?

Тридцатого мая курьер привез Миллеру пакет из канцелярии Временного правительства Северной области. В пакете находилась важная бумага – решение правительства о производстве генерал-лейтенанта Миллера в полные генералы, а точнее, исходя из рода войск – в генералы от кавалерии. Формулировка производства была мажорная – «За особые заслуги по воссозданию русской армии».

Прочитав документ, Миллер отрицательно покачал головой:

– Нет, нет и еще раз нет! Носить эти погоны мне еще рано. Вот возьмем Москву, тогда и наденем новые погоны.

Взятие Москвы – достойная цель не только для разрозненных Белых армий, но и для союзников. Для этого надо будет взять Вятку и Казань и, чтобы не зависеть от «колесухи» – Сибирской железной дороги, которую то партизаны пытаются оккупировать, то Блюхер с Тухачевским, – наладить регулярное движение. Идею Колчака начать поход на Москву поддержали и генералы, и союзническое начальство. Москва перед объединенной силой не устоит, как пить дать шлепнется на колени. В этом Миллер был уверен твердо.

Правда, английский генерал Айронсайд⁶, командовавший всеми союзническими силами на севере России (в Архангельске этого здоровенного верзилу постоянно знобило и он даже в самые жаркие дни кутался в меха) – человек трезвый, осторожный, запросил свое начальство на Темзе, как ему вести себя в такой ситуации.

Лондон ответил генералу, что вмешиваться в большую драку не стоит и вообще надо готовиться к эвакуации подопечных частей – пора, мол, собираться домой.

Этот намек обрадовал Айронсайда – русский север ему изрядно надоел.

Следом Лондон сделал запрос: а устоит ли Белая армия, если союзники покинут Мурманск и Архангельск?

Айронсайд дал честный ответ: «Не устоит». Джентльмены на Темзе от такой откровенности только рты пооткрывали да недовольно почесали складчатые затылки: «Это не есть хорошо».

Ориентация англичан не на ведение успешных боевых действий, а на эвакуацию войск ничего хорошего не сулила – союзники и без того вели себя вяло, берегли снаряды, мелочились, фыркали по любому поводу и делали вид, что просьб не слышат. Чтобы монитор, плавающий по Северной Двине, мог сделать пару выстрелов, запрашивали Темзу, а если уж речь шла о трех выстрелах, то нужно было едва ли не решение парламента. Союзниками англичане оказались плохими, французы, американцы, финны – еще хуже.

Надеяться, как понимал Миллер, можно было только на самих себя. Очень важны были успехи колчаковцев – если Александр Васильевич сумеет накостылять большевикам на своем фронте, Евгений Карлович с «северными территориями» справится – так по зубам надает, что командирам Красной армии даже печорские вороны будут сочувствовать. Миллер с надеждой смотрел на Колчака. Десятого июня девятнадцатого года адмирал Колчак, как Верховный правитель России, подписал указ о назначении Миллера «Главкомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте».

По этому поводу Миллер собрал части, находящиеся под Архангельском, и выступил перед ними с бодрой патриотической речью.

– Поздравляю вас с первым шагом по осуществлению объединения России в лице единой армии под главенством одного Верховного главнокомандующего!

⁶ Айронсайд (Ironside) Эдмунд Уильям (1880–1959) – британский военачальник, барон, фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. В 1918 г. командовал 99-й бригадой во Франции. С ноября 1918 г. командующий, с марта по ноябрь 1919 г. – главнокомандующий войсками Антанты в Архангельске. В 1920-х гг. – глава британской военной миссии в Восточной Венгрии. В последующем занимал различные командные должности, вышел в отставку в 1940 г.

Войска так гроыхнули «Ура», что с окрестных деревьев на землю попадали оглушенные воробы.

Все это было, было, было... Только успехов особенных на фронтах так и не дождались, вот ведь как, и это Миллера здорово угнетало.

– Эжен, а что за катер стоит у причала недалеко от нашего дома? – спросила Наталья Николаевна.

– Это не катер, а канонерка, – поправил жену Миллер, – боевой корабль.

– Не может этот боевой корабль случайно пальнуть из пушек по нашим окнам?

– Совершенно исключено, – твердо произнес в ответ Миллер.

– Эжен, у тебя же добрые отношения с генералом Айронсайдом...

– Очень добрые.

– Нельзя ли поговорить с ним по душам, чтобы он помог тебе, помог Колчаку... Ведь осталось совсем чуть-чуть и вы погоните большевиков.

– Во-первых, англичанам совсем неизвестно, что такое разговор «по душам» – у них этого понятия даже в природе не существует, во-вторых, любой свой чих Айронсайд согласовывает со своим министерством в Лондоне... Проснется ранним утром и тут же – депешу по радио в Лондон – можно ли ему надеть тапочки и сходить, пардон, в туалет; сходит в туалет и снова запрашивает Темзу: а можно ли ему позавтракать? Это же англичане, люди, которых мы знаем несколько сот лет и несколько сот лет не можем понять. Мы могли бы смять красных еще в мае, когда на фронте у них были огромные дыры, дезертировали целые полки, но ни Нокс⁷, ни Жанен⁸, – английский и французский генералы, сидящие в Сибири, – палец о палец не ударили, чтобы помочь нам. Хотя Нокс разослал по частям телеграмму о том, что Казань и Вятка будут заняты Сибирской армией к такому-то сроку, после чего одно подразделение будет направлено в Архангельск для соединения с нами – тогда начнется наступление на Москву. Телеграмма так и осталась телеграммой. Хотя ее довели до сведения всех русских командиров.

За окном послышался грохот, затряслась земля. Тучка воробьев, мгновенно умолкнувшая, снялась с дерева, растущего во дворе дома, занимаемого Миллером, и низом унеслась в сторону. По двору пробежало несколько встревоженных солдат из комендантской роты.

– Что это? – спросила Наталья Николаевна.

– Английский танк, – спокойно пояснил Миллер. – Совершает маневры по улицам города.

– Я представляю, что будет, когда это страшилище появится где-нибудь около Онеги.

– Там появиться страшилищу не дано – утонет в вязкой земле.

Через пятнадцать минут Миллер вновь отбыл к себе, в роскошный тихий кабинет, украшенный картинами, со старой дорогой мебелью, с огромными напольными часами в углу. Говорят, часы эти когда-то украшали царский кабинет в Зимнем дворце, но потом кто-то вывез их из Питера... Так это или не так, Миллер не знал, он просто многозначительно помалкивал, когда речь заходила об этих часах.

В приемной к генералу шагнул дежурный адъютант. Лицо его было расцветчено улыбкой. Вид его был такой радостный, как у боевого корабля с праздничными флагами.

⁷ Нокс (Кнох) Альфред Уильям (1870–1964) – английский бригадный генерал. В 1911–1918 гг. военный атташе Великобритании в Петрограде. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. находился в русской действующей армии. В 1918–1920 гг. – глава британской военной миссии в Сибири, главный советник адмирала Колчака по вопросам тыла и снабжения армии.

⁸ Жанен Пьер Шарль Морис (1862—?) – французский генерал. В 1892 г. был командирован в Петербург, работал инструктором в Военной академии. В Первую мировую войну, будучи представителем Франции, ведал вопросами снабжения русской армии при Ставке Главкома. В декабре 1918 г. – Главнокомандующий союзными войсками в Сибири. Считался личным другом А. В. Колчака, был его заместителем на действующем фронте и фактически выдал Верховного правителя Политцентру в Иркутске.

– Добрые вести, Евгений Карлович, – сказал адъютант, протягивая Миллеру кожаную папку. – Из Лондона.

Миллер неторопливо прошел к себе, открыл папку. Новость действительно, была доброй – вместо эвакуации военное министерство Великобритании предписывало Айронсайду начать широкое наступление на большевиков.

Генерал улыбнулся. В темном, толково и дорого обставленном кабинете его, кажется, сделалось светлее.

– Ну что ж, – произнес Миллер громко и довольно потер руки – у него возникло ребяческое настроение, – теперь дело сдвинется. Надоело топтаться на одном месте: ни мы большевиков, ни большевики нас... Спать на позициях можно.

Он побрякал в валдайский колокольчик, стоявший на аккуратном подиуме, вызывая адъютанта. Тот незамедлительно возник в дверях.

– Милейший, а что за канонерка стоит в городе у причала? – спросил Миллер.

– Не канонерка, а миноноска, ваше высокопревосходительство.

– Я знаю, что миноноска, но суть от этого не меняется. Что за корабль? Зачем он там?

– Протокольное присутствие. По договоренности с англичанами. Как символ мощи нашего флота...

– Да уж, мощи, – Миллер не выдержал, усмехнулся, – такой мощи, что я каждый раз путаю ее с мощами. Распорядитесь от моего имени, чтобы эту посудину убрали с самого видного места в Архангельске. Пусть лучше займется делом и пройдет по Двине или Онеге, по селам, которые недавно бунтовали, – пользы будет больше.

Адъютант поспешно вытянулся.

– Будет исполнено, ваше высокопревосходительство!

– Максимум, что может сделать команда такого дежурного корабля, – обрухатить пару кухарок из ближайших домов, да еще – поточить ляды на набережной.

Миллер знал, что говорил, он и сам, можно сказать, пострадал от какого-то слишком расторопного матроса – тот сумел начинить икрой миллеровскую кухарку Авдотью. Пришлось Авдотью, румяную девушку с толстыми репчатыми пятками и завидной соломенной косой до пояса, отправить в деревню – «на созревание» и, пока в доме не появился повар-мужчина, переходить на обеды из офицерской столовой. Это Миллеру не понравилось. Особенно вкусно Авдотья пекла северные пироги с семгой и свежей треской – во всем Архангельске не было человека, который мог бы с ней сравниться в этом мастерстве.

Жалко было Авдотью. Но ничего не поделаешь – природа взяла свое. Миллер пробовал узнать у несчастной кухарки, кто же папаша будущего дитяти, и по доброте душевной помочь Авдотье, приволочь ловкого малого за ухо в сенцы, поставить его на колени перед женщиной, чье лицо распухло от слез, но Авдотья не выдала его.

Через десять минут к Миллеру приехал генерал Марушевский⁹, с которым он душу проработал уже полгода – Марушевский командовал Северными войсками до прибытия Миллера, был очень опытным штабистом, а после приезда Миллера стал его заместителем в войсках.

Миллер поднялся с кресла и пошел навстречу Марушевскому.

– Слышали новость, Владимир Владимирович?

– Слышал. – Глаза Марушевского обмахрились мелкими морщинками-лучиками. – Это означает, что дни большевиков сочтены. Кстати, Евгений Карлович, предлагаю съездить в

⁹ Марушевский Владимир Владимирович (1874–1951/52?) – генерал-майор, командир бригады во Франции, начальник Генерального штаба. С ноября 1918 г. – помощник генерал-губернатора по военной части и помощник командующего русскими войсками Северной области; в 1919 г. с января и фактически до августа – командующий русскими войсками Северной области, генерал-лейтенант. Затем был направлен с миссией в скандинавские страны. В эмиграции в Финляндии. Умер в Югославии.

лагерь военнопленных, поговорить с перебежчиками. Из Красной армии начался массовый отток солдат.

Миллер чуть приметно усмехнулся.

– Для нас это – лишние рты.

– Прокормим, – убежденно произнес Марушевский. – Такие лишние рты нам – не помеха. Прокормим. Они – не в тягость.

– Съездить, посмотреть на перебежчиков надо, – сказал Миллер, – вы правы. Сделаем это сегодня же, в перерыв между заседаниями штаба и правительства.

Заседание правительства было назначено на вечер, заседание штаба – на половину четвертого дня. Время спрессовалось, сделалось жестким, как металл, и, как металл, упругим. Миллер радовался тому, что многое успевал сделать, хотя еще вчера он и не предполагал, что ему придется заниматься вопросами, о которых он даже сегодня утром не имел никакого представления, решать судьбы не только подчиненных ему солдат, но и ведомств, о предназначении которых он мог только догадываться.

Оказалось, что у какого-нибудь министерства по ловле трески столько функций, что можно сломать ноги только в одном перечне их, единственное, чем не командует это ведомство, так направлением ветра над Белым морем и густотой дыма, выползающего из пароводяных труб.

Позиция Марушевского на этот счет была Миллеру хорошо известна: Марушевский считал, что вся власть в Северной области должна принадлежать только военным, а дело гражданских – сидеть на своих шестках и помогать армии. Миллер же был в этом отношении более гибок, он оставлял часть функций за гражданскими...

День был яркий, солнечный, в розовом небе, будто сыр в масле, купался яркий желтый диск; по улицам, словно опасные свинцовые пули, носились тяжелые слепни, врезались в ветровое стекло машины, на которой ехали Миллер с Марушевским, размазывались по прозрачной тверди, будто жирные лепешки, стекали вниз, на лаковый капот «паккарда».

На берегах Двины сидели мальчишки, таскали из воды синих сорожат, шустрых жирных рыбешек, одуревших от света и тепла; попадая на берег, сорожата вели себя буйно – сминали лопухи и былки осота, взбивали пыль и ловкими лепешками скакали назад в воду. В местах более южных сорога была известна под другим названием – плотва.

У плотвы по весне бывает хороша икра; когда эта рыба идет на нерест – плотвой не брезгают даже выдающиеся рыбаки, в остальном же плотва – обычный корм для кошек, и ловцы, знакомые с вкусом семги, миног, зубатки и трески, просто-напросто вышвыривают ее из сетей. Миллер косился на голоногих пацанов и – если быть откровенным – завидовал им. Мы вообще часто завидуем тем, кто не успел еще испортить свою жизнь, не покинул страну детства, завидуем даже самим себе, оставшимся в детстве, вот ведь как.

Генерал Миллер не был исключением из правил. До его пятидесятидвухлетия оставалось два месяца – он родился двадцать пятого сентября 1867 года в дружной обедневшей семье дворян, исповедовавших лютеранство. Немцы Миллеры и в России сохранили это вероисповедание, не качнулись ни влево, ни вправо. Детство запомнилось ему катанием на санках, походами в старинные пещеры, а также выездами на охоту, самыми азартными видами которой были травля зайца борзыми и ночные блдения на овсах в ожидании косолапого. Еще – гимназическими балами в дворянском собрании. Те светлые дни иногда снились Евгению Карловичу, и утром он просыпался с влажными глазами... Это стало у него уже правилом: сны из прошлого обязательно вызвали благодарные слезы.

Раньше время тянулось медленно, каждый прожитый день был равен целой эпохе, а месяц – столетию, сейчас же время бежит стремительно, как этот вот «паккард», только верстовые столбы мелькают, косо заваливаясь назад и исчезая в пространстве... Говорят, великий Толстой, подметивший эту особенность времени, вывел и некую формулу такого поведения.

Раньше, в восьмилетнем, скажем, возрасте, один прожитый год составлял всего одну восьмую часть оставшейся позади жизни, а в пятидесятилетнем возрасте один прожитый год составляет уже одну пятидесятую часть.

Одна пятидесятая промахивает в шесть с лишним раз быстрее, чем одна восьмая.

Деревянный мост, ведущий в Соломбалу, был запружен подводами – на мосту, в самой середке, сцепились оглоблями две телеги, закупорили узкое пространство.

Конвой, сопровождавший машину генерал-губернатора, тесно окружил машину, не давая к ней приблизиться – всякое ведь может быть, из такой толкучки очень легко стрелять в генералов, сидящих в автомобиле. Несколько человек на лошадях, во главе с корнетом, протиснулись вперед, завмахивали нагайками, расталкивая пробку.

Миллер поморщился – не любил, когда конвой работал нагайками.

Через двадцать минут машина Миллера затормозила перед высокими зубчатыми воротами, за которыми был спрятан некий загон, сколоченный из толстых необработанных досок-дранок. Дранку на Севере щепили из высоких, обрубленных и сверху и снизу обабков, она была сплошь в опасных длинных остях-занозах.

В сопровождении конвоя Миллер прошел на территорию лагеря. И хотя лагерь располагался под открытым небом, насквозь продувался ветрами, в каждом углу его жило по несколько сквозняков, все равно в ноздри генералам ударил спертый дух. Это был запах немытого тела и вшей. Миллер достал из френча платок, поднес к лицу – сделал вид, что сморкается.

Охрана плотно окружила его и Марушевского. Впереди всех встал корнет, положил руку на расстегнутую кобуру, из которой выглядывала рукоять кольта. Глаза корнета грозно ездил то в одну сторону, то в другую. Миллер не выдержал, улыбнулся – корнет в его конвое был человеком новым, потому так себя и вел. Правда, жизнь и самого Миллера, и Марушевского зависела от таких людей, как этот корнет, и генерал ощутил в себе невольную благодарность к корнету, покосился на него с симпатией.

Перебежчики, угрюмо набычившись, смотрели на генералов – ждали, что те скажут.

Миллер пожалел, что оставил в кабинете стек – подарок генерала Айронсайда, ткнул пальцем в ближайшего пленного, высокого, с военной выправкой человека, с независимым видом отвернувшегося от генералов.

– Кто таков? – спросил Миллер.

Пленный вытянулся, отчеканил:

– Бывший поручик Чижов.

– Почему бывший?

– Раненым попал к красным, те и переоформили меня в свою гвардию, дали под начало батальон...

– К нам перешли добровольно?

– Так точно! Ждал удобного момента, ваше высокопревосходительство. Момент представился, но не сразу...

– Взять в руки оружие и повоевать за матушку Отчизну готовы?

– Так точно!

Миллер перевел взгляд на следующего пленного.

– Кто таков?

– Дроздов Федор Николаевич.

– Где служил?

В рыжеватых глазах Дроздова мелькнуло смятение. Он помял рукою горло, перевязанное серой замызганной тряпкой.

– В Онеге, в красногвардейском отряде, охранявшем переправу через реку. Там сложная переправа, а без нее дороги нет никуда, господин генерал.

Конечно, экземпляр этот был примитивнее поручика, хотя подкупали рыжеватые живые глаза, блеск, трепетавший в них.

– А по воинской специальности кто? – спросил Миллер.

– Сапер.

Миллер оживился.

– Саперов нам не хватает. Отойдите-ка, милейший, в сторону, в распоряжение моего адъютанта. Он запишет ваши данные.

– Я уже служил под вашим началом, господин генерал. Когда услышал, что вы стали командовать войсками, решил перейти на вашу сторону.

Отрадный поступок.

– Где именно служил? – решил уточнить Миллер.

– На Северо-Западном фронте, под Ригой.

Миллер покачал головой – Северо-Западный фронт, где он тянул лямку в должности начальника штаба армии, которой командовал генерал Плеве¹⁰, оставил в его памяти не самый добрый след. И прежде всего – сам Плеве Павел Адамович, до обмороков изводивший подчиненных своими придирами. Дело доходило до унижений, после которых офицеры стрелялись. А Павлу Адамовичу хоть бы хны, только баки свои оглаживал да с загадочным видом поглядывал куда-то в сторону, будто хотел заглянуть за горизонт.

Начальник штаба не был исключением – пожалуй, от старого капризного генерала ему доставалось больше всех. Дело дошло до того, что Миллер как-то пожаловался своему гостю – протопресвитеру русской армии и флота отцу Георгию Щавельскому:

– Мочи нет работать с ним... Не могу больше. – Миллер помял пальцами горло, потом ребром ладони провел себя по кадыку – жест был простонародный и очень понятный. – Не дай бог опоздать к нему на доклад на пять минут – тут же устраивает скандал. И никогда не поинтересуется, почему опоздал. – Миллер невольно покрутил головой – ему было больно.

Всем, всему Северо-Западному фронту было известно, какой Миллер аккуратист, как четко действует, а если уж он куда-то не приходит вовремя – значит, на то есть очень серьезные причины.

– Я готов пойти куда угодно, кем угодно, лишь бы был избавлен от такого начальника. – Голос Миллера сделался влажным, генерал был очень расстроен.

Отец Георгий понял, что происходит в душе Миллера, в успокаивающем жесте положил руку ему на плечо.

– Готов пойти куда угодно и кем угодно, – повторил Миллер, вновь помял пальцами горло, – хоть командиром батальона в соседнюю армию. Служба с Павлом Адамовичем становится хуже каторги.

– Я постараюсь вам помочь, – пообещал отец Георгий.

Он помог – передал содержание разговора самому Николаю Александровичу, государю. Тот хорошо знал Миллера по службе в лейб-гвардии – проходили по спискам одного полка. Николай Второй просьбу запомнил. Двадцать третьего августа 1915 года государь занял пост Верховного главнокомандующего, сместив с этого места своего двоюродного дядю, великого князя Николая Николаевича¹¹. Через несколько дней новый Верховный произвел рокировку в

¹⁰ Плеве Павел Адамович (1850–1916) – генерал от кавалерии; участник Русско-японской войны. Занимал различные командные должности; в Первую мировую войну – командующий 5-й армии, с декабря 1915 г. – Главнокомандующий армиями Северного фронта, в феврале 1916 г. освобожден от командования по состоянию здоровья и назначен членом Государственного совета.

¹¹ Николай Николаевич (1856–1929) – великий князь. Участвовал в русско-турецкой войне (1877–1878), награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость». С 1905 г. – главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского ВО. В Первую мировую войну – Верховный главнокомандующий, в 1915–1917 гг. – заместитель на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказной атаман Кавказских войск. После Февральской революции находился в ссылке в Крыму. В марте 1919 г. эмигрировал в Италию, с 1922 г. переселился во Францию. С декабря

руководстве Северо-Западного фронта – забрал к себе в Ставку Алексеева, командовавшего фронтом, на его место передвинул Плеве, а на место Плеве поставил генерала Гурко – толкового молодого ироничного командующего.

Работать с Гурко было приятно.

Однако без Плеве, честно говоря, как-то скучно сделалось. Миллер потом много раз спрашивал себя – а не слишком ли он зависил планку своих претензий к Павлу Адамовичу?

Вот о чем он вспомнил в завшивленном, грязном, насквозь пропахшем бедой лагере военнопленных в Соломбале. Собственно, это даже не лагерь был, а обычный фильтрационный пункт.

Кое-кому из находящихся здесь людей предстояло побывать в настоящем лагере, кое-кому – надеть погоны Белой армии и пойти на фронт.

– Служили в Пятой армии? – спросил у солдата Миллер.

– Так точно. В отдельном саперном батальоне.

Существовал такой батальон в Пятой армии. Очень нужное было подразделение.

– Командующим армией тогда кто был – Плеве или Гурко?

– Этого я не знаю, господин генерал. Так высоко я не летал.

Миллер понимающе качнул головой, перешел к следующему перебежчику, круглому, как шар, – от голода люди, случается, опухают и делаются круглыми, как надутые воздухом пузыри, – с лишаями на крупной, остриженной под ноль голове.

– Кто таков? – спросил Миллер.

Лишаистый поднял на Миллера равнодушные глаза.

– Фейерверкер артиллерийской бригады Сомов, – тихо проговорил он.

Фейерверкер – это унтер, только артиллерийский, человек в любой армии, независимо от ее штандартов, очень нужный. Без фейерверкеров не обходится ни одна подготовка к наступлению.

– Почему ушел от красных?

– Не хочу воевать со своими.

– На фронте давно?

– С августа четырнадцатого года, – сказал фейерверкер и добавил: – Имею два Георгия и три ранения.

Большинство из тех, кто толпился сейчас на маленькой, хорошо прогретой солнцем площади временного лагеря в Соломбале, были такие, как Сомов, – уставшие от войны, ко всему равнодушные. Их даже под суд нельзя было отдавать, настолько выдохлись, устали, мечтали они только об одном – поскорее добраться до родного порога.

Миллер поговорил еще с несколькими солдатами, потом стянул с рук перчатки и вместе с Марушевским отошел в сторону.

– Полагаю так... Всех этих людей надо проверить в деле, иначе саперы, попав в наши части, могут оказаться обыкновенными щипачами, любителями забираться в продуктовые и вещевые склады, а фейерверкеры – рядовыми тыловыми возчиками. Полагаю, что на фронт посылать их не резон, а вот включить в десант, который пойдет в рейд по Двине, следует.

Такой рейд планировалось провести вместе с англичанами в ближайшее время. Кроме британских мониторов¹² в рейде должны были принять участие и русские суда, в частности миноноска, до последнего времени охранявшая «присутственное место» генерал-губернатора.

1924 г. принял руководство деятельностью всех русских военных зарубежных организаций, которые к этому времени оформились в РОВС. Среди части белой эмиграции считался главным претендентом на престол.

¹² Монитор – первый башенный броненосный корабль, придуманный в 1862 г. американцем Эриксоном, носил название «Монитор», впоследствии мониторами стали называть все суда этого типа.

Параллельно с рейдом было решено начать наступление на Двинском направлении: сил у красных там осталось только на то, чтобы бить блох в окопах, поэтому вряд ли они сумеют удержать свои позиции.

Айронсайд уже несколько раз говорил Миллеру, что главной целью этого наступления должен быть Котлас.

– Котлас! – произносил Айронсайд торжественно, взметывал руку и всовывал в глазницу увеличительное стекло, зажимал его сверху упругой бровью. – Котлас и только Котлас, вот что нас интересует.

Худошавое вытянутое лицо английского генерала нервно дергалось, и Миллер понимал, чего боится Айронсайд. Боится не провала наступления и потерь среди своих солдат, не неизбежной дырки в финансах – только один выстрел из орудия с английского монитора стоит столько, сколько мастера тратят на возведение деревенской церкви, – а боится своего начальства, язвительного окрика с берегов Темзы, горластых журналистов, способных превратить любого боевого генерала в кусок пипифакса – туалетной бумаги. Когда Миллер осознал это, ему сделалось грустно.

* * *

Миноноске, которой командовал лейтенант Лебедев, пришлось идти не на Двину, а дальше – на Онегу, чистую широкую реку, полную плоских, с буйной кудрявой водой перекатов, порогов и других опасных мест. Англичане, хотя и были их плоскодонные мониторы приспособлены к плаванию в таких местах, на Онеге могли запросто напороться на камни.

Узнав о том, что миноноске придется идти на Онегу, Лебедев привычно щелкнул кнопками перчаток:

– Онега так Онега. Все лучше, чем охранять раскисшие по летней жаре нужники губернского начальства.

Стоять у старого сгнившего причала и сбрасывать в воду крыс было противно – это занятие позорило Андреевский флаг, развевавшийся на корме, и, честно говоря, Лебедеву изрядно оно надоело. Иногда он слышал сочное шлепанье даже сквозь сон – крысы лезли на корабль особенно активно ночью и срывались с причального конца в воду, – передергивал плечами и просыпался.

Чистое, гладко выбритое лицо Лебедева делалось брезгливым, когда он получал очередное задание по охране какого-нибудь широколампасника, но свою точку зрения лейтенант старался держать при себе, лишь щелкал кнопками перчаток и привычно скидывал руку к козырьку:

– Задание принято!

На этот раз он порадовался, что не придется охранять очередного деятеля – специалиста просиживать кресла. На лице лейтенанта эта радость никак не отразилась, и он произнес ровным спокойным голосом:

– Задание принято!

Но все-таки чего не было в его биографии, того не было – он ни разу не ходил на своем корабле по капризной Онеге. По Северной Двине ходил, по Печоре ходил, но у Двины и Печоры дно совсем другое, там много глубоких мест, а своенравная Онега имеет кучу мелей и вообще таких мест, где можно потерять не только корабль, но и команду.

У миноноски было два скорострельных орудия: одно стояло на носу, второе – на корме. Для похода на Онегу этого было мало. Наверняка придется брать на борт десант, который нужно будет поддерживать огнем... Надо было поставить хотя бы пару пулеметов – рядом с орудиями. Конечно, хорошо бы и орудие к ним присовокупить, но места на миноноске катастрофически мало, каждый квадратный сантиметр площади занят...

Утром на берегу перед миноноской был выстроен десант – один взвод, тридцать человек. Командовал взводом поручик Чижов. В новенькой форме – английском френче с большими накладными карманами, в высоких козловых сапогах – он, ловко перетянутый ремнем, не был похож на того замызганного пленного, с которым недавно разговаривал Миллер. Поднявшись на борт миноноски, в каюту командира, Чижов привычно козырнул.

– Где прикажете разместить десант?

– Только на палубе. Другого места у меня, к сожалению, нет. Лично вам, поручик, могу предоставить свободную офицерскую каюту. Не бог весть что, но все же индивидуальное жилое помещение...

Чижов благодарно наклонил голову.

– Буду очень признателен. Это первое. И второе – когда отплываем?

– Думаю, что вечером уйдем в море, завтра утром достигнем устья Онеги. В Онеге к нам присоединятся два монитора. – Лицо Лебедева сделалось озабоченным и грустным одновременно, в голосе просквозили ироничные нотки. – Хотя... – Лебедев приподнял перчатки, лежавшие на столе, и швырнул их обратно. – Монитор, с точки зрения военно-морского учебника, – хорошо вооруженное судно с низкой осадкой. С точки же зрения какого-нибудь местного трескоеда – старое дырявое корыто с плоским дном, вооруженное двумя пугачами и одной ржавой берданкой, ствол которой случайно не успела доест ржавчина. Если нам дадут такие мониторы, то вся надежда будет только на вашу команду, поручик, – только она и сможет защитить такие мониторы. Команда у вас обстрелянная?

Печальная и одновременно озабоченная улыбка появилась на лице Чижова. Он отрицательно покачал головой. Усмехнулся.

– Команда у меня такая: сегодня она стреляет в красных и подчиняется ударам командирского стека, а завтра – разворачивает винтовки на сто восемьдесят градусов и по приказу комиссара первый залп всаживает в своих бывших командиров, второй залп – во всех остальных.

– Очень бы этого не хотелось, свят-свят-свят. – Лебедев, словно бы обжегшись обо что-то, помахал рукой перед собой, «жар разогнал». – Я так понял, вы со своими людьми в бою еще не бывали?

– Увы, – лицо Чижова сделалось виноватым, – не пришлось.

Чижов хотел было рассказать, что с ним произошло, про плен и побег из него, но смолчал: такие факты офицерскую биографию не украшают. Лебедев указал на кресло, стоявшее у небольшого, прикрученного к полу столика, пригласил присесть.

– Благодарю вас, – отказался поручик. – Мне пора к своим.

– Да ничего с ними не произойдет.

– Кто знает, кто знает... – Голос Чижова сделался озабоченным, он словно почувствовал что-то худое, но что именно, ни он сам, ни люди, оказавшиеся с ним в десанте, не могли сказать. И предугадать не могли.

Погоны на плечах поручика были новенькие, с красными «пехотными» просветами, яркие. Лебедев глянул на них и подумал, что верх погон соткан где-нибудь в Эдинбурге, сами погоны насажены на твердую негнущуюся прокладку в Мурманске, вручены боевому офицеру в Архангельске. Все, как в знаменитой песне про белогвардейцев – насчет мундира, котла, башмаков и характера...

– Как ваше имя-отчество? – спросил Лебедев у поручика.

– Сергей Сергеевич.

– Вы верите в предчувствия? – неожиданно поинтересовался Лебедев.

– Все, кто был на фронте, верят в предчувствия. Это закон.

– И я верю. – Лебедев поправил висевший у него на ленте кителя боевой орден – Святого Владимира с мечами. – Так вот, предчувствия у меня плохие.

Чижев удивился этой фразе, сопоставил ее со своими ощущениями и успокаивающе проговорил:

– Бог даст – пронесет!

– Хотелось бы. – Лебедев встал. Каюта у него была узкая, маленькая, в такой и одному человеку тесно, не то что двоим. Миноноска – корабль, где с одного борта до другого можно доплунуть, особо не разгуляешься, поэтому здесь стеснены все, от кока и машинной группы до старшего офицера и командира корабля. – Хотелось бы, – повторил Лебедев задумчиво. – Чуть позже приглашаю вас на обед в кают-компанию.

Чижев отрицательно покачал головой:

– Нет... Сегодня нет. Не получится.

* * *

Вечером Арсюха решил прогуляться по березовому городскому саду, где каждое дерево было похоже на статную северную молодку, наряженную в белые одежды. В саду этом легко дышалось, и когда Арсюха Баринов сходил на берег в увольнение, то обязательно заворачивал сюда. Здесь и любимого жирного сбитня можно было отведать, и пирогов со свежей треской, и чая из огромного трескучего самовара, у которого обычно хозяйничал разбитной малый в красной косоворотке, и княженики с морошкой – царских ягод, которые север много веков поставлял в Москву, а когда столица российская переместилась на берега Невы, то и в Питер. По выходным дням на торговых столах стояла и семга – рыба, тающая во рту, а в глубоких фаянсовых чашках аппетитными горками высилась рыжая семужья икра. Икра эта, конечно, уступала черной волжской и дальневосточной лососевой, красной, но все равно была хороша. Арсюха семужью икру уважал.

В саду уже было много народу, на деревянной веранде играл флотский оркестр, чередуя бравурные маршевые мелодии с щемящими, минорными; разнаряженные дамочки в восточных шелках, добытых с английских складов, кокетливо переглядывались с кавалерами, обмахивались веерами.

Над людьми барражировали, будто германские аэропланы, крупные северные комары.

Арсюха на лету схватил одного, сжал в кулаке.

– У, какой деловой! – произнес он удивленно. – Весь в полете, ни тебе «здрассьте», ни остальным «до свиданья»... Гад! – Он посмотрел на комара. – Не отводи глаз своих, сукин сын! Пузо наел, как купец московский. – Он тряхнул комара в руке. Из верхней части кулака торчала голова, из нижней – ноги. – Экземпляр!

Слово «экземпляр», услышанное совсем недавно, Арсюхе нравилось произносить – очень солидное слово, заморское, мудреное и звучит красиво, внушительно.

С довольным видом Арсюха растер комара о штанину. Произнес, в назидательном жесте вскинув указательный палец:

– Уничтожал я вас, уничтожаю и буду уничтожать! Враги вы!

Минут десять Арсюха постоял около старухи, торговавшей отменными сбитнями – свой товар она томила в небольших, на пол-литра, глиняных кружках с ручками, чтобы было удобнее брать; вязкая жировая пенка у нее получалась просто загляденье, восхитительная пенка – толстая, сочная, сладкая... Чтобы пенка была еще слаще, старуха мазала ее медом.

Стоит только съесть пару таких сбитней, как сразу на бабу начинает тянуть. Да так сильно тянет, что пуговицы от клешей сами отстегиваются – летят во все стороны, будто пули, убить могут... Особенно если сбитень еще медом сдобрен – тут у-у-у...

Съев две кружки сбитеня, Арсюха отер рукою рот и, выпрямившись молодцевато, огляделся.

– Пхих! – произнес он привычно.

Самый желанный и самый податливый товар, который появляется в городском саду, – это кухарки.

Они вечно спешат, вечно заняты, всегда оглядываются – а не заметит ли их хозяин? – поэтому совершают торопливые поступки, но главное – не корчат из себя недотрог-гимназисточек. А это Арсюху Барина очень устраивает.

Через несколько минут Арсюха пристроился к усталой бледнолицей кухарке, невесть как попавшей в нарядные березовые аллеи.

– «Разрешите, мадам, предложить руку вам, если муж ваш уехал по делам», – промурлыкал он слова песенки, которую услышал полмесяца назад в одной тесной матросской кампании, запомнил ее и теперь всем говорил, что сам ее сочинил во время перехода миноноски из Архангельска в Мурманск.

Кухарка глянула на него испуганно и шмыгнула в кусты. Это не огорчило Арсюху – таких кухарок в Архангельске – пруд пруди. В прекраснейшем расположении духа он двинулся дальше.

Дорожка, по которой он шел, была присыпана мелким желтым песком, он приятно хрустел под каблуками. Широкие клеши, словно бы соразмеряясь с неторопливым прогулочным шагом Арсюхи, лихо подметали дорожку – песок только кудрявился, отлетая в сторону, свинцовые гайки, вшитые в края штанов, держали черные клеши, стачанные из тонкого английского сукна, в натянутом состоянии – ни одной морщинки на них не было, такие штаны нравились Арсюхе, как нравилось и то, что он, засунув руки в карманы, может мести городской тротуар не хуже любого патентованного дворника.

Правда, у военмора первой статьи Арсюхи Барина несколько подкачал живот – больше похож он был на раздутый баул депутата Государственной думы. Но какой ныне мужик, если он считает себя настоящим мужиком, не имеет живота? А потом, два похода на Онегу, пара сэкономленных на собственном желудке банок «ананасов в сахарном сиропе» и несколько романов с молчаливыми поморскими вдовами легко приведут его в норму.

Перед закатом особенно звонко расщebetались местные пичуги, от их пения у Арсюхи даже обмякло, обвисло складками лицо, на глазах появился благодарный блеск, он остановился у боковой, уводящей в глубину сада пустынной дорожки, скребнул гайками, вшитыми в штанины, по песку, огляделся – после сбитеня надо было сбросить напряжение в мочевом пузыре, стравить пар и воду – переполнился...

Он глянул в одну сторону, потом в другую, никого не засек, ни их благородий, ни бледных барышень, вожделенно посматривающих на золотые погоны офицеров, и шагнул за густой куст, облепленный бледными длиннокрылыми насекомыми, расстегнул широкий, как бабий подол, передний клапан своих штанов.

Морские клеши имеют, как известно, совсем другую конструкцию, чем обычные мужские брюки – ну, скажем, офицерские бриджи. У бриджей есть гульфик с пуговицами, а у клешей – подол. Отвалил этот подол Арсюха и начал неторопливо обрызгивать куст.

Невдалеке играла музыка, звенели птицы, в розовом вечернем воздухе серебрились невесомые летающие нити. Хорошо было. Арсюха и не заметил, как рядом с ним оказались двое приземистых парней с крепкими подбородками, в железнодорожных форменных фуражках, украшенных серебряными молоточками.

– Мочишься? – благодушно спросил один из них.

Видимая благодушность эта обманула Арсюху.

– Напряжение стравливаю, – объяснил он, – не то из носа уже капать начало. – Страхнул под ноги несколько золотистых капель, пожаловался: – Вот закон природы, по которому рыба плавает в море – сколько ни стряхивай последние капли, как ни трясичи причиндалом – капли эти обязательно окажутся в штанах.

– Страхнул? – спросил один из железнодорожников.

– Страхнул, – ответил Арсюха, покосился на крепыша. – Даже куст не подмыл, – он подергал одной рукой за ветку, – не уплыла сирень, здесь стоит. – Арсюха рассмеялся довольно – собственная речь показалась ему остроумной.

В следующее мгновение сильный удар в ухо опрокинул Арсюху на землю. Он, готовый ко всяким напастям, не ожидал, что удар будет таким мощным, охнул и полетел головой в мокрый куст.

Ткнулся носом в собственную мочу, поморщился – вонючая была, сморкнулся кровью.

– Ну, гады, – заскрипел он зубами, поднялся на ноги. – За что?

В следующее мгновение опять очутился на земле – новый удар не заставил себя ждать. Арсюха вновь шмякнулся лицом в мочу, хапнул ртом земли, на зубах у него захрустел мокрый соленый песок.

– Хады, – прошепелявил он. Впереди не было одного зуба. – За что, паровожники?

– За Авдотью, – прежним доброжелательным тоном пояснил один из «паровозников». – Помнишь такую?

– Нет, – мотнул головой Арсюха и вновь полетел на землю. Мокрый песок окропили кровавые брызги.

Арсюха приподнялся на руках – противно было валяться в собственной моче, сплюнул под себя кровь и заныл:

– За что, мужики-и? Объясните хоть.

– Авдотью помнишь?

– Нет, – вторично помотал головой Арсюха.

– Вот козел, – удивленно произнес железнодорожник с благожелательным голосом, ухватил Арсюху за воротник нарядной матросской рубахи, рывком поставил на ноги. – Девку начинил потомством и не помнит, как это сделал... Вот козел!

Железнодорожник неторопливо прицелился и впечатал кулак прямо в глаз Арсюхе.

Тот ойкнул, развернулся вокруг собственной оси и вновь полетел на землю. Опять в мочу. В полете попробовал ухватиться руками за куст и сбил на себя целый сноп соленых золотистых брызг. Будто под дождь попал.

Авдотью он, конечно, помнил и даже жалел ее, считая, что девка вляпалась по неосторожности, и готов на эту тему поговорить, но разве эти чумазы мазутные души поймут чувства настоящего моряка? Арсюха ощутил, как глаз у него набухает горячей свинцовой тяжестью.

Гореть после этого глаз будет долго, неделю, не меньше. А тлеть, подсвечивать дорогу в сумерках – не менее двух недель. Арсюхе сделалось обидно – не стоит вся Авдотьиная начинка этих оплеух.

– Мужики... – вновь застонал Арсюха.

– Ну, мы – мужики! – рявкнул в ответ скуластый, с летними конопушинами, трогательно проступившими у него на переносице, и невыразительными глазами железнодорожник. – А ты – тля подзаборная. Поступаешь не как человек, а как падаль из подворотни.

– Я же швою команду к вам в депо приведу, мы вас вщех задушим, – зашепелявил Арсюха, – вщех до единого. Как жайцев.

– Приводи, – согласился с ним железнодорожник, тон у него был спокойным, доброжелательным, будто «паровозник» и не метелил Арсюху, – чем больше вас будет – тем лучше. Всех передавим паровозами. Понял, козел?

«Господи, сохранить бы второй глаз нетронутым, – возникла в голове у Арсюхи тоскливая мысль, он невольно сжался. – Господи... Будет ведь сиять фонарь...»

Второй глаз сохранить нетронутым не удалось – обстоятельный железнодорожник, мастер снайперских ударов – он во всем предпочитал основательность – прицелился и нанес очередной сокрушительный удар. Во второй глаз.

Арсюха вновь полетел на землю, всадились лицом в мочу. Взыл бессильно.

Мысль о сопротивлении почему-то даже не возникала у него в мозгу.

– Жадавлю вас... Прямо в депо, – провыл он, сморкаясь кровью. – Вшю команду порешу.

За эти неосторожные слова Арсюха снова получил удар кулаком.

– Вонючка! – брезгливо проговорил обстоятельный железнодорожник, отряхнул руки. –

И откуда вы только беретесь, из какой дырки? – В голосе его слышались презрительные нотки. – Вони много, дела мало. Баб только портите! Запомни, вонючка, – он нагнулся к Арсюхе, поднес к его носу кулак, – если мы узнаем, что ты еще кого-то испортил, какую-нибудь бабу –отрежем яйца... Понял?

От этого крепкого парня, от его тона веяло беспощадностью, он придавил кулаком Арсюхин нос и выпрямился.

Железнодорожники ушли, оставив Арсюху с мутной от ударов головой лежать под влажным кустом.

Придя в себя, он сжал кулаки и заскрежетал зубами:

– Я вас в депо на столбах попереवेशаю. Будете болтаться, как новогодние игрушки...

Он потрогал пальцами один глаз, потом второй. Глаза болели. Правый уже затянуло настолько, что свет белый обратился в узкую, плоско стиснутую и сверху, и снизу щелочку. Арсюха невольно застонал.

* * *

Первый, кого встретил Арсюха на миноноске, был Андрюха Котлов – он с повязкой вахтенного матроса на рукаве торчал у трапа и лениво поплевывал в воду.

– Ба-ба-ба! – воскликнул Андрюха оживленно, увидев Арсюхину физиономию. – Это кто же тебе такие прожектора навесил на физиономию?

– Поднимай команду! – хмуро, не отвечая на вопрос, проговорил Арсюха.

– Ты что, сдурел? Говорят, мы через два часа должны отойти.

Арсюха, гулко бухая ботинками по железному настилу переходов, сбегал в умывальник, где над двумя кранами – из одного лилась холодная вода, из другого горячая – висело старое мутное зеркало, всмотрелся в его рябоватую поверхность.

Оглядел один глаз, потом другой, аккуратно помял пальцами кожу под ними и с досадою простонал:

– И заштукатурить фингалы нечем, светят, как два фонаря «летучая мышь». Пхих! – Он покачал головой.

Набрав в ладони холодной воды, приложил их к глазам – сделал примочки, снова глянул в зеркало. Примочки не помогли.

Оставив бесполезное это занятие, Арсюха снова забухал ботинками по рифленому железу переходов и через несколько секунд оказался у трапа. Андрюха Котлов находился на прежнем месте и продолжал беспечно поплевывать в воду. Арсюха ухватил его за грудки.

– Ты команду поднял?

Андрюха неспешно освободился от захвата:

– Тихо, тихо, тихо, приятель...

– Ты почему команду не поднял?

– Хочешь, чтобы меня по законам военного времени к стенке поставили? – Андрюха поправил на рукаве повязку и поводит из стороны в сторону пальцем перед Арсюхиным носом. – Ты этого добиваешься?

– А! – Арсюха рубанул кулаком воздух и понесся к Митьке Платонову.

Тот находился в камбузе, жарил для матросов на ужин треску, а для офицеров – котлеты. Увидев физиономию Арсюхи, Митька удивленно присвистнул:

– Ничего себе конфетки на роже проступили!

– Митя, братуха, надо бы ребят поднять, в депо сбегать, паровозников наказать...

– Это они тебя так? За что?

– В том-то и дело, что ни за что! За то, что я моряк, – соврал Арсюха. – Встретили бы тебя в городском саду – точно так же отделади бы.

Кок приподнял над плитой тяжелую чугунную сковороду, сделал короткое движение – и шкворчавшие в масле куски трески словно бы сами по себе взметнулись в воздух, в полете аккуратно перевернулись на другой бок и вновь легли на сковороду.

Треску Платонов собирался подать на стол вместе с давленной картошкой, заправленной искусственным английским молоком, которое он разводил из порошка. Получалось очень вкусное пюре. Господ же офицеров Митька собирался порадовать котлетками из нежной телятины, привезенной командиром миноноски с рынка.

Лебедев купил телятину на свои деньги, доставил ее на корабль, кинул коку на стол.

– Сготовьте нам что-нибудь, – попросил он, – не то в последние дни сплошная треска... Треска утром, треска вечером, треска в обед... Не то что раньше.

Раньше Платонов угощал господ офицеров блюдами из французской кухни, но в последнее время стал лениться.

– А что сготовить-то, господин лейтенант? – спросил он.

– Да хотя бы котлеты, – взгляд у Лебедева сделался задумчивым, – я помню, в детстве наш повар в имении готовил роскошнейшие котлеты из телятины – с пальцами проглотить можно было. Столько лет прошло, а вкус этих котлет до сих пор не выветрился из памяти.

Котлеты на сковороде кок уважительно перевернул деревянной лопаткой.

Поправив на голове колпак, Платонов откинулся назад. Поцецекал языком:

– Расписали тебя, как поднос, с которого подают баранки к чаю. Картинка!

– Не мели языком, Митька! Помоги поднять народ! Иначе, если не ответим, паровозники нас потом метелить будут, как царь Петр шведов.

– Давай поступим так, Арсюха. Ты пробежи по койкам, по ребятам, поговори с ними, а я мозгами пораскину, что можно сделать. Лады?

– Лады, – Арсюха обрадованно рубанул рукой воздух, – значит, поддерживаешь меня?

– А почему бы не поддержать хорошее дело? – Кок отодвинул сковородку с треской в сторону – рыба готова, надо жарить вторую сковороду.

Арсюха помчался в кубрик поднимать матросов.

Вернулся обескураженный, с погасшим взглядом – сквозь узкий, набрякший фиолетовой краской сжим глаз что-то влажно поблескивало: вода – не вода, металл – не металл, муть какая-то, одним словом, в глотке что-то побрякивало, будто Арсюха наглотался гвоздей, либо того хуже – свинца.

– Ты представляешь, – пробрякал он свинцовым голосом, – ни один из этих кошкеедов не поднялся...

– А я тебе чего говорил? – Кок не выдержал, усмехнулся. – Наших людей нужно знать. Не пойдут они за тебя бить носы, Арсюха.

– Почему? – искренне удивился тот.

– А с какой стати им подставлять свои бестолковки под чужие кулаки за тебя, Арсюха? Паровозники ведь – ребята тоже не пальцем деланные – рельсами как начнут махать... или шпалами – у-у-у! Весь флот вместе с английскими крейсерами могут потопить, только бескозырки останутся сиротливо плавать на воде. Нет, Арсюха, на помощь экипажа ты напрасно рассчитываешь.

– Но почему-у? – вновь с нехорошим изумлением пробрякал свинцом Арсюха, из ноздрей у него едва пар не вырвался. Подбитые глаза-щелочки сжались в две маленькие прорези, в углах прорезей показались крохотные мутные слезки.

– А ты сам не разумеешь?

– Нет.

– Такое к тебе отношение команды, Арсюха. Чего ж тут непонятного?

Арсюха узрел в углу камбуза круглую вращающуюся табуретку, прицелился к ней задом, сломался в коленях, будто кукла, сел. Слезки, собравшиеся в уголках прорезей, шлепнулись ему на фасонистые клеши.

– За что? – прошептал он горько, попробовал найти в себе самом ответ, но ответа не было, и он поднял взгляд на кока, посмотрел на него с надеждой.

Кок отвернулся от него.

– И эти самые... от меня также отвернули рожи, – пожаловался Арсюха, – солдаты, которых как скот загнали на палубу...

– На солдат вообще не рассчитывай, – предупредил кок, – если уж свои не пошли тебя защищать, то чужие тем более не пойдут.

Арсюха схватился руками за голову и, отворачивая ее, крутанулся вместе с табуреткой, застонал.

– Интересно, в чем я провинился перед коллективом?

Кок молчал, не отвечал.

– А?

– Не майся, – наконец отозвался кок, – иди лучше спать. Сегодня ночью мы уходим в плавание.

Арсюха всхлипнул, выпрямился и взметнул над собой кулаки.

– Ладно, когда вернемся, я рассчитаюсь с этими паровозниками за все. За все, понимаешь, Митька?

– Так точно, – равнодушно проговорил тот, – рассчитаешься за все.

* * *

Ночью, когда солнце неподвижно застыло нестираемым медным пятном в светлом небе, миноноска вышла в море. Погода была спокойная, мелкая рябь туго стучала в железное днище корабля. Миноноска держала курс точно на медное блюдо, висевшее над горизонтом.

Лейтенант уже несколько раз заглядывал в рубку – там, стоя рядом с рулевым, глядел на компас и что-то вычислял про себя, затем переводил взгляд на солнце и задумчиво щелкал кнопками перчаток. Бросок на Онегу не нравился ему.

По сути, миноноске, боевому кораблю, предназначенному для борьбы с грозным врагом, отводилась в этом походе жандармская роль. Лебедев же никогда жандармом не был. Боевой офицер, награжденный Святым Георгием, Анной четвертой степени – темляком на парадный палаш яркого алого цвета, который морские служаки презрительно называли «клюквой», двумя Владимирами и Анной третьей степени с мечами – в общем, он имел полный джентльменский набор. Получен был набор за лобовые атаки, произведенные на германские суда. Всякое было в жизни лейтенанта, но такого, чтобы нагонять страх на темных голопупых мужиков, живущих на северных реках, не было.

У лейтенанта даже перехватывало горло, чьи-то липкие пальцы пытались сжать его, и Лебедев неуклюже шевелил плечами, дергал головой, стараясь избавиться от неприятного ощущения, и вновь уходил к себе в каюту.

В двадцать три ноль-ноль он вновь заглянул в рубку и предупредил старшего офицера Рунге, находившегося на вахте:

– Иван Иванович, когда подойдем к Онеге, разбудите, пожалуйста. Там очень сложный вход в реку – течение в устье наносит много песка. Обычно в реку входят с лоцманом.

– Я знаю. Разбуду непременно, не тревожьтесь, – сказал Рунге. Человеком он был педантичным, из тех, что если уж что-то обещают, то обещания обязательно выполняют.

– Раньше половины седьмого утра мы все равно вряд ли к Онеге подойдем, – добавил Рунге вдогонку, когда Лебедев уже вышел за дверь рубки.

Яркое солнце, бьющее мичману прямо в лицо, окрашивало его седые волосы в брусничный цвет. В аккуратной шевелюре Рунге не было ни одного темного волоска – сплошь седина.

В марте семнадцатого года, когда Балтийский флот превратился в сплошной митинг, Рунге решили расстрелять матросы-анархисты: дотошный, требующий точного исполнения служебных обязанностей Рунге показался им излишне придирчивым. А раз придирчивый – значит, барин, которого надо отправить в преисподнюю.

Плюс ко всему Рунге был немцем. Ненависть к немцам среди матросов Балтийского флота была велика.

Мичмана поставили к стенке. Еле-еле отбили его у анархистов. Сделали это, кстати, большевики.

– Какой же он латифундист, какой же он немец? – кричали они в лица анархистам. – Он – Иван! Иван Иванович! Немец не может быть Иваном.

– Не Иван, а Йоханн, – отбивались от цепких большевиков анархисты. Пока Рунге стоял у стенки старого каменного пакгауза под стволами винтовок, он поседел – стал белым как лунь.

И тем не менее матросы миноноски считали, что Рунге повезло – он остался жив. В то время как другие на его месте отправились в мир иной, а комендант Кронштадта вообще был поднят на штыки и умер в страшных муках.

Рунге был невысок, крепко сбит, широкий волевой подбородок его украшала ямочка – признак твердости характера. Он равнодушно поглядывал на бесцветные волны, длинными кручеными валами подкатывающиеся под днище миноноски, краем уха ловил обычные корабельные звуки – хлюпанье придонных насосов, чвыканье водоотливки, звонки сигнальной вахты, усталый хрип работающей воздуходувки, плеск воды под узким железным корпусом. Миноноска была хоть и малым кораблем, но все равно это был корабль, боевая флотская единица, способная несколькими ударами своих пушек снести с каменных берегов рыбацкую деревню, а спаренным залпом двух торпедных аппаратов пустить на дно тяжелый линейный корабль. Рунге любил свою миноноску.

Впрочем, другие офицеры, brave мичманы – на миноноске все, кроме командира, были мичманами: старший механик Крутов, артиллерист Кислюк – относились к своему маленькому кораблю точно так же.

Вдалеке тянулась серая строчка берега, она то пропадала, растворяясь в розовом морском пространстве, то возникала вновь, приближалась к проворной узкотелой миноноске, и тогда Рунге подавал команду повернуть чуть штурвал в открытое море – боялся при отливе наскочить на камни. В шесть часов утра строчка берега провисла и разорвалась – завиднелся вход в Онегу.

– Правь на разрыв в линии горизонта, – велел Рунге штурвальному и пошел будить лейтенанта.

По дороге столкнулся с Чижевым – тот, бледный, с запавшими щеками, навис над бортом в позе мученически изогнутого вопросительного знака...

– Мутит что-то, – пожаловался поручик, помял пальцами горло, – море я совсем не переношу.

Рунге посочувствовал ему: это ведь как кирпич на голову, одних сбивает с ног мелкая волна, которую не боятся даже воробьи, другие огромный девятый вал встречают с вежливой улыбкой – он им нипочем. Все зависит от организма, а почему у одних организм один, а у других другой, не знает никто.

– Возьмите в рот кусочек сахара, – посоветовал Рунге, – кое-кому это помогает. Хотя не всем.

Чижев кивком поблагодарил мичмана, пожаловался:

– Перед солдатами неудобно, скажут – слабак.

– Не вбивайте в голову, – посоветовал Рунге назидательным тоном и бочком протиснулся в узкий коридор, в котором находилась каюта командира. Стукнул костяшками пальцев в лакированную дверь. – Игорь Сидорович, виден створ Онеги. Через полчаса будем входить в реку.

– Благодарю, Иван Иванович, – послышался глухой голос лейтенанта. – Сейчас я приду в рубку.

Река Онега была известна всему Северу своим непростым характером. Этакая вздорная баба, а не река. То она бывает тиха и ласкова, как старая кошка, у которой нет ни одного зуба – все выпали, осталось только тихо мурлыкать да ластиться, то, наоборот, набухает свинцом, делается грозной, на ровной поверхности появляются литые горбатые волны, способные перевернуть не только легкую миноноску, но и тяжелый непотопляемый дредноут.

И в спокойном состоянии, и во взвинченном, нервном, эта река волокла по дну своему тонны мелкого песка, гравий, голыши, тащила плоские издырявленные каменюги, иногда передвигала с места на место целые глыбы, и устье реки, там, где Онега смыкалась с морем, часто оказывалось забитым – не только миноноска, даже лодка-плоскодонка могла скребнуть по намывам низом и стесать его. Река часто меняла свой рельеф, угадать его было невозможно...

Входить в Онегу без лоцмана не рекомендовалось, но лоцмана брать было рискованно – в беспокойном портовом поселке по ночам звучали выстрелы, на заборах появлялись листовки, призывающие гнать с Севера не только англичан с французами, но и белых вместе с Миллером. Уроженец Витебской губерний был здесь чужим человеком, таким же далеким и враждебным, как какой-нибудь Фриц, Петер или Ганс, родившиеся на Рейне либо в Берлине, не исключением были и Джон с Вильямом из Лондона и Жак с Полем из Парижа – всех надо было гнать одной метлой... Фьють под зад – и за линию горизонта, туда, где сейчас сонно зависло, став неподвижным, мертвенно-красное солнце... Портовое поселение на Онеге стало самым решительным в Северной области, посадить миноноску на намывы песка мог не только опытный лоцман – даже ребенок в дырявых штанцах, державшихся на одной лямке.

Военные капитаны предпочитали входить в Онегу без лоцманов, самостоятельно, на малых оборотах мощных машин, под тревожный звук ревунов.

Лебедев появился в рубке отутюженный, гладко выбритый, с ясным взором, пахнущий роскошным парижским «одеколоном». Вскинул к глазам бинокль, прошелся им вдоль черты берега.

– Прилив начался два часа назад. Надо еще подождать часа полтора и на приливной волне въехать в Онегу. Как на верблюде, верхом, – пояснил он. Скомандовал зычно, четко, как всегда командовал в походах: – Стоп машина!

* * *

В белые летние ночи Миллера допекала бессонница. Сколько он ни пробовал привыкнуть к тому, что солнце в середине лета не скрывается за горизонтом, а повисит-повисит над ним пару-тройку часов и тут же ползет вверх, на свое привычное место, безжалостно окатывая землю красноватым, каким-то неживым светом.

Из головы не выходил разговор, состоявшийся вечером с генералом Марушевским.

– Я считаю, Евгений Карлович, что вся власть в Северной области – вся, целиком, без остатка, даже в самых гражданских делах, таких как замеры земельных наделов и вытирание соплей детишкам в приходских школах, должна перейти к военным. Только военные могут спасти и Север России и саму Россию.

Эту свою позицию Марушевский высказывал и раньше. Не раз высказывал. Но никогда еще он не был так настойчив и резок. Миллер решил сбить его простым способом:

– Хотите хорошего бразильского кофе, Владимир Владимирович?

– Нет, – резко, напрягшимся до скрипучести голосом ответил Марушевский.

– Айронсайд подарил мне несколько банок из последнего завоза.

– Нет. – Лицо у Марушевского сморщилось, стало старым, в глазах вспыхнули раздраженные костерки, – вспыхнув, тут же погасли: генерал умел держать себя в руках. – Мы с гражданскими властями действуем по принципу лебедя, рака и щуки. Мы делаем одно, они – другое, мы стараемся добиться и добиваемся результатов, их устраивают обычные ходы, мы ставим цели, они ограничиваются лозунгами и митингами... И так далее. У населения от такого руководства только болит голова.

Миллер понял, что спорить сейчас с Марушевским бесполезно, генерал просто-напросто не услышит доводов, ждал, когда тот, истратив запал, умолкнет.

Наконец Марушевский сложил вместе ладони, молитвенно поднес их к подбородку и произнес, гипнотизируя Миллера:

– Заклинаю вас, Евгений Карлович, услышьте меня. Пока гражданское население не поймет, что в области есть твердая военная власть, мы будем топтаться на месте.

– Насколько мне известно, материальное положение рабочих в Северной области гораздо лучше, чем в других частях России. Их заработки зачастую перекрывают оклады чиновников правительственных учреждений, – сказал Миллер. – Где еще есть такое роскошество? На Юге? В Ростове? В Омске? В Хабаровске? У нас полно рыбы, мяса, консервов. Оленины и дичи – вот сколько. – Миллер провел рукой над головой. – Красная семужья икра и сочная северная рыба не исчезают со столов рабочих... Все это обеспечено гражданской властью. Правда, при нашей активной поддержке.

– Но выдача хлеба у нас – нормированная.

– Это временные трудности. Первый же урожай, взятый с вологодских пашен, насытит хлебом Север. И гражданское правительство справится с этим лучше, чем мы. Мы с красными не сможем договориться о перемирии – гражданские договорятся легко.

Если честно, Миллеру не хотелось ссориться с правительством Северной области, не хотелось ущемлять права Чайковского, долгое время возглавлявшего это правительство, хотя Чайковского уже несколько месяцев не было в Архангельске. Впрочем, это ничего не значит – он вернется. Все говорили, что Чайковский принадлежит к тем людям, которые умеют достойно возвращаться. Другое дело – если бы Чайковский отказался от своего толстого портфеля, тогда можно было бы вмешаться в его дела.

Кстати, Чайковский был не только председателем правительства, но и министром иностранных дел. Поговаривали, что Николай Васильевич вообще собирается отбыть на юг, к Деникину, чтобы создать там единое российское правительство, но сам Чайковский об этом ни разу не заявил, а сведения, которые Миллеру по-птичьи, в «клюве» приносила разведка, надо было еще проверять и перепроверять.

Во всяком случае, ссориться сейчас с Чайковским нельзя и отодвигать его от власти не стоит. Как только этого не может понять Марушевский?! Миллер поморщился, будто съел что-то горькое.

Пройдет несколько месяцев, обстановка изменится, и тогда можно будет предпринять кое-какие шаги – подвинуть гражданское правительство, например, а сейчас это делать рано.

– Северная область рухнет, – объявил Марушевский.

Миллер загнул палец.

– О зарплатах рабочих я сказал... Кстати, когда наши пропахшие машинным маслом пролетарии решили бастовать, англичане сделали свой коронный ход и нанесли точечный укол – они выпустили сравнительную таблицу, сколько денег получают английские рабочие и сколько получают наши, архангелогородские... А также – сколько стоят товары у нас и у них. Пролетариату нашему сразу стало нечем крыть. Но это я так, к слову... Идем дальше. – Миллер загнул

второй палец. – О том, что у нас продуктов полным-полно, нам их не съесть, мы будем делиться ими с Россией, я тоже сказал...

– Насчет дележа речи не было, – вставил Марушевский.

– Значит, будет, – веско произнес Миллер. – У солдат денежное довольствие тоже не маленькое. В Архангельске у солдат есть даже свой клуб. Там – читальня, бильярд, зрительный зал, курсы агитации и пропаганды. Среди солдат проводится, как я знаю, основательная работа по изучению государственного устройства России... Солдаты довольны. Все это достигнуто благодаря слаженным действиям военного командования и гражданского правительства. Менять эту тактику пока, повторяю, рано. Пусть пройдет немного времени, и мы заберем вожжи в свои руки. Согласны?

Марушевский медленно покачал головой.

– Нет, не согласен. Боюсь, мы все упустим...

...Этот разговор не выходил у Миллера из головы, он раздраженно ворочался в постели и никак не мог уснуть. Умный человек Марушевский до приезда Миллера командовал всеми войсками Северного фронта, справлялся с этим сложным делом довольно успешно – то он колотил красных, то красные колотили его, всякое бывало в этой войне. С приездом Миллера он добровольно сложил с себя полномочия и стал начальником штаба. Чуть позже возглавил одно из направлений фронта... Это – с одной стороны, а с другой – Белое движение на Севере обязано своим существованием именно Марушевскому. Если бы не он, здесь бы властвовали разные трескоеды, любители поковыряться в зубах рыбьей костью, и ничего из того, что есть сейчас, не было бы.

Когда генерал-майор Марушевский появился в Архангельске, правительство приняло его хмуро, попыталось усадить генерала в авто и отвезти обратно на вокзал, но Марушевский атаку недоброжелателей отбил, поселился прямо в штабе, а чтобы его особо не тревожили, выставил в окна пулеметы. Холодные рыльца станковых «максимов» действовали на гражданскую власть отрезвляюще.

Именно правительство, кстати, противилось введению в Северной армии погон – чиновники не хотели, чтобы армия была похожа на царскую, уже разложившуюся, бросившую фронт и забывшую о своем долге. Марушевский на двух машинах с пулеметами прибыл на заседание правительства и произнес там вдохновенную речь, тыча в министров пальцем, будто стволом пистолета.

– Солдаты без погон – это стадо штатских баранов, – не выбирая выражений, всаживал он слова-гвозди в собравшихся, – которые куда хотят, туда и идут: одни – хлебать щи, другие – монополю в трактире, третьи – к вдовушкам нюхать кружевные юбки, четвертые – на пленэр за грибами. Кто куда хочет, тот туда и устремляется. По команде идти вперед – ползут назад, вместо того чтобы стрелять в противника, улыбаются и строят ему рожи, затем угощают сладкими лакричными лепешками французского производства. Разве это солдаты? Тьфу! Солдаты без погон – это деревенские повитухи, брадобреи, мукомолы, свинопасы! Максимум, что они смогут сделать – по команде сходить в нужник. А вот по части стрельбы, атак, разведки, инженерных работ они так повитухами и останутся. И таковыми они будут, пока мы в своей армии не введем погоны. Погоны – это дисциплина, господа министры, форма – это долг, помноженный на честь. Если в армии не будет введена форма с погонами, не будут восстановлены уставы, не будет возрожден орден Святого Георгия, судьба Северной области и ваша лично, – Марушевский обвел пальцем собравшихся, – будет печальна. Свою судьбу я в таком разе делить с вами не собираюсь – я покину город.

Речь Марушевского произвела впечатление.

Вскоре появилось несколько указов правительства – все требования Марушевского были приняты.

Правда, офицеры отнеслись к погонам по-разному: одни – с восторгом, другие – с усталым безразличием, третьи – шарахались от погон, как от нечистой силы. Таких беспогонных вояк приходилось сажать на гауптвахту. Иных способов сломать упрямцев не было.

Погоны, уставы, награды действительно мобилизовывали армию, Марушевский был прав, только вот отношения между ним и правительством сделались натянутыми: генерал недолюбливал правительство, правительство недолюбливало его. Эта взаимная неприязнь со временем только крепла, хотя Марушевскому было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Недобрые вести пришли вчера с колчаковского фронта – войска Александра Васильевича были вынуждены отступить от Вятки – слишком крепким оказался этот орешек. И вообще, красные научились здорово воевать, стали сильным противником. К сильным противникам Миллер относился с уважением.

В темноте Миллер перекрестил себя, потом перекрестил серое пространство спальни:
– Господи, помоги Александру Васильевичу Колчаку!

* * *

Лебедев провел миноноску через намывы и мели по высшему разряду – ни разу не скребнул дном, корабль прошел в Онегу в идеальной тиши, под звук собственного двигателя, как под усыпляющий аккомпанемент полкового оркестра.

Арсюха, которого, несмотря на чудовищные фонари, украсившие его глаза, поставили на нос следить за фарватером – вдруг из серой шипящей воды выскочит камень, – раздвигал пальцами тяжелые синие веки и вглядывался в воду, стараясь там что-нибудь разглядеть, но ничего не видел.

Речная вода смешивалась с морской, со дна поднималась грязь, клубилась, сворачивалась в ворохи, шибала моросью, вызывала невольный страх – вдруг сейчас в днище миноноски врежется какой-нибудь подводный клык, – и Арсюха невольно передергивал плечами: тогда во всем обвинят его... Голова Арсюхина невольно, сама по себе втягивалась в плечи. Но проходило немного времени, и Арсюха с удивлением обнаруживал, что небо по-прежнему украшает красное плоское солнце, на которое больно смотреть, длинная клюквенная полоса – отблеск его – колышется на спокойной рябоватой воде, а миноноска на самом малом ходу ползет дальше.

Безлюдный, серый, в странной запыленной зелени берег выглядел недобро.

Через час миноноска уже стояла у деревянных свай Онежского порта.

Сколько ни был Лебедев в Онеге, а изменений ни разу не заметил: все те же лесопильные заводы, все те же два широких деревянных проспекта, целящихся в море, – Соборный и Средний, влажные опилки на тротуарах, смешанные с песком, корабельная верфь и собор Святой Троицы с восьмьярусным куполом и острым шпилем, царапающим облака.

Лебедев слышал, что Онегу хотели построить по подобию Петербурга. Сама матушка Екатерина утвердила план, начертав на нем высокие слова, но только второго Петербурга из Онеги не получилось. Лебедев защелкнул на перчатках кнопки и в сопровождении двух матросов, вооруженных винтовками, сошел на берег.

Обе палубы миноноски, и кормовая, и носовая, представляли из себя цыганский табор. Всюду лежали, сидели, жевали сухари, брились, смолили табак, лущили семечки, разглядывали берег, по которому неспешной лебяжьей походкой проходили женщины, – мужицкие рты миглом завистливо распаивались, плевали в воду, сморкались и хихикали десантники поручика Чижова.

Пахло от десантников чем-то кислым, навозным, неприятным. Лебедев сказал поручику:

– Сергей Сергеевич, мы прибыли в Онегу. Я полагаю, ваше героическое войско здесь пересядет на монитор.

Чижов заскользил глазами по широкому серому пространству реки:

– А где он, монитор-то, Игорь Сидорович? Не вижу.

– Стоит где-нибудь в затоне. По моим сведениям, для десанта подготовлены два монитора. – Лебедев снова щелкнул кнопками перчаток. – На берегу я узнаю, где что и что к чему, а вы пока наведите порядок среди своих гоп-стопников.

* * *

Мониторами оказались два утлых старых парохода с высокими прогорелыми трубами и латаными-перелатаными бортами. Лебедев, увидев их, удрученно щелкнул кнопками перчаток.

– Да их давно пора на заклепки разобрать – и то проку мало будет.

Начальник порта, лысый, с золотыми шевронами на рукавах, без погон, обиженно поджал тонкие губы.

– Прошвыряетесь, лейтенант, если такие корабли будете пускать на заклепки. Машины на них исправные, орудия мы поставили... А то, что вид у кораблей такой страшный – так это для испуга, чтобы мужики в восставших селах лбами о землю стукались.

Откуда-то из леса тянуло дымом. Лебедев насторожился:

– Тайга, что ли, горит?

– Нет. Лес потихоньку добываем. В Мурманск собираемся отправлять. По их заказу. Вы сами-то к Архангельску приписаны?

Лебедев не выдержал, улыбнулся – слишком уж штатский вопрос: к определенным портам бывают приписаны лишь гражданские суда. Проговорил:

– Приписаны к потребителю вашего леса, к Романову-на-Мурмане.

– Хороший город?

– Свалка. И свалкой пахнет.

– По Онеге пойдете – смотрите в оба, – переключился на новую тему начальник порта, – из леса могут обстрелять – у красных много пулеметов.

Лебедев щелкнул кнопками перчаток:

– Опыт у нас есть... Как-нибудь и с пулеметами справимся.

– У них и орудия есть.

– Знаю!

– И самое главное: лето стоит жаркое – река начала мелеть, так что глядите внимательно... Много низких мест. Впрочем, вы только до порогов сумеете дойти, там вам придется десант высадить на берег.

Запах дыма, доносящийся из тайги, сделался сильнее. Чижов своих солдат построил на берегу в длинную шеренгу, теперь ходил вдоль ряда, изучал подопечных. Митька Платонов выглянул из камбуза в белоснежном, твердом, будто бы вырезанном из дорогого материала колпаке, покосился насмешливо на солдат и сбросил с борта в воду веревочную снасть.

Незамедлительно нарисовался Арсюха – нюх у него на эти вещи был первостатейный, – сощурил один подбитый глаз:

– Что это?

– Сетку на миног поставил, – пояснил кок, – в Онеге миноги водятся. Пробовал когда-нибудь?

– Нет.

– Если попадутся – попробуешь.

– Ладно. – Арсюха довольно похлопал себя по животу.

Хоть и любили миноги водиться в быстрой прозрачной воде, в речках, вливающихся в Онегу, а саму Онегу спускались редко, в сетку к коку все-таки попало десятка полтора – добыча редкая. То ли слово какое-то вещее знал Митька Платонов, то ли ему просто повезло.

Когда он вытаскивал сетку из воды, вновь нарисовался Арсюха – выгребся из-за рубки, где грелся в укромном месте, подставляет свою побитую физиономию солнцу, чтобы быстрее прошли синяки, – увидел миног, набившихся в сетку, и испуганно попятился от них:

– Это же змеи... Гадюки!

Миноги действительно были похожи на гадюк: гибкие, длинные, с мордочками, похожими на присоски, опасные. На широком, плохо выбритом лице Арсюхи отпечатались ужас:

– Свят, свят, свят! – Голос у него разом охрип.

Кок не сдержал улыбки:

– Что, никогда не видел?

Арсюха перекрестился:

– Не дай бог во сне приснятся! – Он поспешил покинуть кока – вновь занял привычное свое место, где его никто не видел, лег на теплый металл и приложил к оплывшим глазам два семишника – медные двухкопеечные монеты царской чеканки. Вспомнил, как его били паровозники, и застонал от негодования.

– Вы мне еще попадетесь, вонючки! – пробормотал он с угрозой.

А кок выскреб из сетки миног и кинул их плавать в ведро с водой – миноги в ведре могут жить неделями, надо только менять воду, иначе в мути эти речные змеи долго не протянут.

– Дур-рак! – запоздало выругал он Арсюху. – Да миног, если разобраться, только графьям и положено есть. Нашему брату – недоношенным – дозволено на них лишь издали глядеть, и все.

Через два часа он снова вытащил сетку из воды – ни одной миноги. Трепыхалась только жалкая смятая сорожка, вылупившая от неожиданности глаза на Митьку так, что они у нее чуть не вывернулись наизнанку, да странное существо – смесь бычка с еловым сучком – то ли рыба это была, то ли рак, то ли еще что-то – не понять. Бычок хлопал ртом, устрашающе скрипел жаберными крышками и производил впечатление разбойника с большой дороги. Был он несъедобен – таких даже судовые коты не едят.

Платонов вытряхнул бычка в реку. Сорожка тоже попробовала удрать, вывалилась из сетки, но промахнулась, вместо воды шлепнулась на палубу. Кок ногой спихнул ее за борт:

– Пошла вон!

Он промыл миног, помутневшую, красную от сукровицы воду слил в Онегу и уволок добычу на камбуз с присказкой:

– Ужин сегодня будет, как в Версале!

По берегу Онеги проехали два автомобиля, направились к Свято-Троицкому собору. Над собором взвился медный колокольный звон. Тревожно было в городе.

На окраине ударило несколько выстрелов. Кок оттопырил одно ухо: два выстрела – из трехлинейки, два – из карабина.

– О-хо-хо, – пробормотал он удрученно и начал разделять миног. Послушал, прозвучат ли выстрелы еще или нет, – выстрелов не было, и Митька перекрестил лоб: слава богу, никто больше не умер. Проговорил скрипуче, старчески: – И когда на земле этой наступят спокойные дни, а? О-хо-хо!

Очень хотелось мыслителю с номерной миноноски дать на этот вопрос ответ, но он не мог его дать – не знал ответа.

Десант поручика Чижова тем временем погрузился на один из мониторов, у которого сквозь листы обшивки просматривалось одно слово от прежнего названия «Святой», а вот какой это был святой, то ли Николай, то ли Петр, то ли Павел, – не понять, заколочено железом; на второй монитор вскарабкался еще один десант, такой же разношерстный, по-грачиному

гальдящий, как и первый, и мониторы, дав длинные гудки, тяжело заухали плечами и выгребли на середину реки.

Следом снялась с места и миноноска.

В штабе считали, что отход нужно отложить до утра, но Лебедев, щелкнув кнопками перчаток, возразил:

– А какая разница, сейчас плыть или утром?

– Ну-у, на ночь глядя как-то несподручно...

– Что ночью, что утром, что днем – все едино, воздух прозрачный и светлый, как вода, на много километров видно. Учитывая, что десанту надо двигаться дальше, на Кож-озеро, к монастырю, – дорога солдатам предстоит длинная, – я бы отправился сейчас, не стал бы медлить. Нам-то все равно, мы остаемся на кораблях, а вот поручику Чижову и капитану Слепцову, думаю, не все равно.

Капитан Слепцов был командиром второго десанта. Низенький, плешистый, очень подвижной, он обладал колдовской способностью появляться сразу в нескольких местах.

Ходил капитан со стеком, угрожающе постукивал им по жестким кожаным крагам, таким громоздким и тяжелым, что они казались выкованными из железа, напоминали рыцарские доспехи. При ходьбе ноги капитана залихватисто скрипели:

– Скрип-скрип, скрип-скрип...

У нервных людей этот скрип сводил скулы. А капитану он нравился, он считал этот звук признаком жизни, пока скрипит – значит, живет, не будет скрипеть – тогда, считай, все – умер... Поговаривали, что раньше стеком капитан мог измолотить непокорного солдата до полусмерти, сейчас, в свете революционных преобразований, происшедших в стране, а также под влиянием английской демократии генерала Айронсайда и его соотечественников Слепцов предпочитал общаться с подчиненными без помощи стека.

Перед выездами на такие операции, как сегодняшняя, Слепцов становился смирным, солдатам старался угодить, улыбался и предлагал им папироски из серебряного портсигара, украшенного известной картиной «Охотники на привале».

– Пращу атведать? – басом говорил он, сияя огромной, во все зубы, словно бы специально приклеенной к его лицу улыбкой.

Зубы у Слепцова росли вкривь-вкось, во все стороны, таким расхлябанным пляшущим частоколом, но как ни странно, именно эти пляшущие зубы делали улыбку капитана заразной; солдаты, глядя на Слепцова, сами начинали улыбаться. Единственное, что портило эту улыбку, – в зрачках капитана периодически возникал беспощадный железный свет, и мигом становилось ясно, что это за человек.

Миноноска и два тихоходных монитора выстроились в цепочку и, пыхтя машинами, двинулись вверх по реке Онеге.

Кудрявые серо-зеленые берега неторопливо поползли назад, Арсюха жадно вглядывался в них, выискивал глазами сухие гривы, на которых, по его мнению, обязательно должны были стоять избы, и морщился неодобрительно, не видя их.

– Андрюха, а где же люди? – спрашивал он у Котлова нервно, – куда народ подевался?

– В лесу, – отвечал тот коротко и непонятно, – в партизанах.

У Арсюхи словно сами по себе нервно передергивались плечи, нижняя, влажно поблескивающая губа безвольно отвисала. У Арсюхи в этом походе имелся свой корыстный интерес – он вез спички. Для продажи. Настоящие английские спички, не дающие сбой – в отличие от тех, которые выпускались в Петрограде. Петроградскими спичками хорошо в зубах ковыряться, и только, а английские спички еще и зажигаются, и горят превосходно. И выглядят красиво, не в пример петроградским, которые похожи на кривоизогнутую ведьминскую расческу, выброшенную за ненадобностью из сумки Бабы-яги, либо на улыбку капитана Слепцова.

Имел Арсюха и кое-что еще. Из лакомств. И опять-таки товар был первосортный, английский. Вез Арсюха целых два чемодана – а чемоданы были у него похожи на большие семейные шкафы – добра туда вмещалось много.

В одном чемодане хранился «божественный продукт», которого Арсюха мог сожрать сколько угодно (а главное, продукт этот мог храниться сто лет и не портился, всегда бывал свежим), – говяжья тушенка, во втором чемодане – железные банки с консервированной клубникой, продукт, который англичане поедали исключительно сами, едоков со стороны не допускали. Эти товары Арсюха Баринов надеялся реализовать в экспедиции. Еще Арсюха мог предложить любителям кое-что «деликатесное» – сигнальные французские гранаты и невидаль, русскому мужику совершенно неведомую, – презервативы.

Он показал бумажную пачечку – небольшой конверт, на котором был нарисован безмятежно улыбающийся джентльмен с крупными, как у лошади, зубами.

– Что это? – осторожно полюбопытствовал Андрюха.

– Эта штука делает мужчину мужчиной, – важным голосом сообщил Арсюха. Баба получает такое наслаждение – м-м-м... Будто барыня, которая сладкую землянику ест со свежими сливками. И мужик не устает – может хоть сто раз подряд сделать свое дело – такая у этого предмета сила. – Арсюха приподнял бумажную пачечку.

– Кто же изобрел такой механизм? – с завистью спросил Андрюха.

– Как кто? Англичане, – убежденно ответил Арсюха.

– И думаешь, деревенские мушкетеры разберут этот товар?

– Все покупать не будут – не по карману, а десятка два орлов приобретет. Тем более вещь эта – вечная. Резиновая.

– А как она выглядит? – Андрюха щелкнул ногтем по пакетику – попал улыбающемуся джентльмену точно по зубам.

– Обычная варежка.

– Со шнуровкой?

В твердом взгляде Арсюхи проступило сомнение.

– Если честно – не знаю, – решил признаться он.

– И что делают с этой резиновой варежкой?

– Надевают на причиндал поплотнее и работают ею до посинения.

– Нет, не купят ее у тебя деревенские мужики. – Андрюха с сомнением покачал головой. – Не поймут.

– Денег в деревнях полно, это я знаю доподлинно точно, – сказал Арсюха, – накопил народ. Дальше копить нельзя – деньги гнить будут. Так что купят, будь уверен... И это купят. – Он достал из чемодана банку тушенки, подкинул ее в руке. – Очень нужная вещь для охотника, когда он на пару месяцев уходит в тайгу. Англичане называют это дело, – Арсюха поморщился, стараясь выговорить незнакомое слово, внутри у него что-то заскрипело, он напрягся и с облегчением вздохнул: – «Стью мит».

– Что это такое? – настороженно спросил Андрюха. – Не отравя?

– Сам ты отравя! – возмущенно щуря подбитые глаза, заревел Арсюха, замахнулся на собеседника железной банкой.

– А как переводится на русский язык? – поспешил спросить Андрюха. Куцые редкие бровки на его лице вскинулись.

Арсюха опустил банку, поехал из стороны в сторону влажным ртом.

– Не знаю. Вот наш лейтенант английский знает, а я – нет.

– Но ты произнес это мудреное словечко без запинки.

– Это я заучил специально. – Арсюха важно наморщил лоб. – Как думаешь, пойдет у меня в деревнях торговля этими банками или нет?

Андрюха приподнял одно плечо.

– Как сказать... Мужики, конечно, обомлеют от этого товара, особенно... – Андрюха выразительно пощелкал пальцами, – ну, от этого...

– Чего «особенно»?

– Ну, от этого самого, что на причиндал навинчивается...

– По-английски это называется «кондом». – Вид Арсюхин сделался еще более значительным.

– Мужики в обморок будут грохаться – во передовая наука до чего доскреблась...

– Мне не это важно знать, – перебил его Арсюха, – будут мужики рассупонивать свои кошель, чтобы купить товар, или нет?

– Думаю, что будут, – обнадежил Арсюху знаток деревенской жизни Андрюха Котлов, переступил с ноги на ногу, железный пол гулким стуком отозвался на это движение, вызвал на зубах невольный чес.

– «Думаю» или точно будут? – Из подбитых глаз Арсюхи брызнул угрюмый фиолетовый огонь.

– Точно будут, – ответил Андрюха, отбросив всякие колебания.

– Ты ведь, по-моему, то ли женился в этих местах, то ли родился, а?

– Никогда здесь не был. Даже во сне.

Миноноска, немного оторвавшись от расхлябанных, с дырявыми машинами мониторов, первой шла на юг. Мимо тянулись затихшие зеленые берега. Высокие спокойные деревья, сосны с темной, иссушенной летней жарой хвоей, нескошенная высокая трава, подступающая к самой воде, березы, с немим удивлением взирающие на проплывающие суда, и – кроме черных тяжелых воронов, приветствовавших экспедицию хриплыми голосами, – ни одной живой души. Ни зверей, ни людей, ни домов в сочных зеленых распадках.

Такое странное безлюдье заставляло невольно сжиматься сердце, в груди делалось холодно, люди старались прикрыться железным бортом, встать за рубку, за трубу, пышущую искрами – в этом безлюдье невольно возникало ощущение, что с берега обязательно должны раздаться выстрелы.

Но выстрелов не было.

Из-под миноноски, из-под косо срезанного форштевня неожиданно выскочила крупная рыбина, блеснула широкой горбатой спиной и, будто дельфин, снова врезалась в воду.

Арсюха охнул и с перекошенным от азарта ртом схватился за сердце.

– Это же семга! Килограммов на тридцать.

Семгу Арсюха любил больше английских консервированных ананасов и «гарден стро-берри» – клубники в сиропе, захлопал руками, залопотал что-то азартно, по-ребячьи невнятно засуетился, ища рядом с собою что-нибудь такое, чем можно было подцепить наглого самца, не нашел и вновь завмахивал, захлопал руками.

– Люди, вы видели, какой баран вымахнул из воды? – прокричал он на всю миноноску: истончившийся до визга пилы возбужденный голос Арсюхи слышали даже в машинном отделении – оттуда высунулся чумазый, с блестящими белками глаз и крупными чистыми зубами моторист Потрохов, взметнул над собой руку с согнутыми пальцами, похожую на большой багор.

– Где рыба? – вскричал он азартно. – Где?

Арсюха, жадно вглядывающийся в воду, с досадой отмахнулся от моториста. Не увидев больше семгу, он произнес со слезным стоном:

– Нету рыбы! Была и – сплыла!

Миноноска продолжала двигаться на юг, за ней, то отставая, то приближаясь, – полудырявые мониторы, набитые солдатами.

Солдатам в армии Миллера жилось хорошо, они в отличие, скажем, от солдат Колчака и деньгами были обеспечены, и продуктами, и оружием, и патронами, и одежда с обувью была

у них справная. Адмирал платил большие деньги за поставку патронов, оружия и амуниции японцам, французам, американцам, но при рублевом замахе удар получался копеечный: все, что поступало в Россию, а потом по железной дороге двигалось на колчаковский фронт, подвергалось жестокому разграблению чехословаками – эти ребята за счет адмирала упаковали себя по первому разряду, при случае даже лошадям своим могли вставить золотые зубы.

Миллер с такими проблемами не сталкивался.

Монитор, замыкавший строй судов, тяжело вскарабкался на длинную волну, приподнял округлый черный нос и со всего маху, со стоном, опустился на воду. В обе стороны полетели темные блестящие брызги. Замыкающий монитор явно рыскал – уходил то влево, то вправо.

На «сигналах» стоял Андрюха Котлов, освоивший на миноноске кучу профессий, в том числе и эту:

– Дежурный, спросите у монитора, замыкающего строй, что происходит, почему он прыгает? – велел сигнальщику лейтенант Лебедев. – То в лес норовит забраться, то по дрова, то корове под титьку...

Андрюха расправил влажные от речной мороси флажки и проворно, с тугим хлопаньем заработал ими.

– Ну, чего там? – нетерпеливо спросил Лебедев.

– На этом мониторе нет сигнальщика. Ответить не могут.

– Тьфу! – с досадой отплюнулся Лебедев. – Хорошо, что хоть есть капитан. Только кривоглазый какой-то... То в одну сторону правит, то в другую. Строй потерял.

Мимо судов продолжали тянуться угрюмые безлюдные берега.

Неожиданно впереди, в ровном живописном распадке, мелькнули три чистых белых пятнышка. Дома. С миноноски, с высоты командного мостика, было видно, как из дверей одного из домиков выскочили три гибкие темные фигуры и устремились в лес.

– Дураки, – равнодушно проговорил Лебедев, – боятся, что их мобилизуют... Но такие солдаты на фронте не нужны.

Он потянулся к стальной петле ревуна, потянул ее. Над рекой повис тревожный, вышибающий мурашки гудок. Мониторы поддерживали миноноску своим ревом.

Неожиданно с берега ударил пулемет, он бил с пристрелянной позиции, кажется, каждый сантиметр темной водной глади заранее прощупан очередями; очередь хлестнула по бронированному боку миноноски, вышибла искры и ушла в сторону. Река покрылась рябью.

– Этого нам еще не хватало. – Лебедев недовольно щелкнул кнопками своих роскошных перчаток. – Носовое орудие, дайте три беглых по этим дуракам!

– У нас поворотный круг маленький. Не дотянемся.

– А мы развернемся.

Миноноска затормозила ход, из-под кормы у нее вырвался высокий белый бурун, рулевой подвернул нос корабля к берегу, и в то же мгновение ахнуло носовое орудие.

Снаряд, оставляя в воздухе белый, быстро растворяющийся след, ушел к берегу, всадились в землю метрах в тридцати от пулемета и поднял в воздух несколько выдранных с корнем березок.

– Перелет! – констатировал лейтенант. – Поправить прицел!

– Есть поправить прицел, – эхом донеслось с носовой палубы.

Снова рявкнула пушка. Снаряд со знакомым шипением разрезал плотный, наполненный медовыми запахами летний воздух; будто лопатой шваркнув, срыл небольшой бугор, поросший густой зеленой травой, в воздух полетели тяжелые черные комья земли, толстые, спутавшиеся друг с другом корни деревьев и кустов. Пулемет вновь достал до миноноски, полоснул по орудью, по щитку, выбил густое сеево искр, от резкого грохота люди, стоявшие в рубке, невольно зажмурились, корабль, приподнявшийся было на волне, соскользнул с нее, и пули ушли в воздух.

– Орудие – огонь! – прокричал в жестяный рупор Лебедев.

Пушка рывкнула в третий раз. Сейчас пушкари сработали точно, снаряд лег в пулеметное гнездо. В воздух взлетел искореженный, с раскоряченными колесами «максим», рядом взметнулось несколько скомканных бесформенных тряпок – все, что осталось от расчета – двух угрюмых поморов, несколько дней назад оставленных здесь в засаде красным партизанским командиром.

– Молодцы, канониры! – похвалил артиллеристов Лебедев, щелкнул перчаточными кнопками, будто ударил дуплетом по невидимой цели.

Монитор, шедший последним, начал подворачивать к берегу, плицы¹³ огромного гребного колеса с шумом всаживались в воду, отпихивали ее от себя, пароход разворачивался медленно, неохотно. Лебедев прижал к губам раструб рупора. Поскольку на мониторе не было сигнальщика, общаться с мониторов приходилось с помощью рупора.

– Второй монитор, вы куда?

Через полминуты послышался жестяный, переданный в такой же рупор ответ:

– Необходимо проверить берег и навести на нем порядок.

– Чье это приказание?

– Командира десанта капитана Слепцова.

– Даю на проверку тридцать минут, – недовольно прокричал в рупор Лебедев, – больше дать не могу. – Отложил рупор в сторону и выглянул из рубки. – Канониры! Носовая пушка!

Двое матросов, стоявших у носовой пушки, вытянули головы, глянули вверх, на уменьшившуюся, ставшую похожей на птичью, фигурку лейтенанта.

– Орудие – зарядить! – скомандовал Лебедев. – Держите его готовым к стрельбе.

Монитор с десантом, погромыхая плицами, пуская из трубы густой вонючий дым, подгреб к берегу, подработал кормой, потом снова подработал – сильное течение волокло судно назад, – раздраженно рывкнул гудком и в конце концов ткнулся носом в сырой земляной срез.

Первым с борта монитора спрыгнул Слепцов, держа в руках стек, следом – плечистый малый, наряженный, несмотря на летнюю жару, в длиннополую кавалерийскую шинель. Перед собой десантник грозно выставил, будто полено, пулемет «шоша».

Следом с борта монитора на землю скатилось еще несколько десантников.

– Ур-ра-а-а! – голосисто завыл один из них, но никто этого «соловья» не поддержал.

Арсюха с завистью поглядел на десантников и смело шагнул в рубку. Остановился перед Лебедевым.

– Господин командир, разрешите обратиться! – Арсюха вскинул руку к околышу бескозырки.

– Разрешаю.

– Дозволяете участвовать в высадке десанта на берег.

– Не разрешаю, – зычно проговорил в ответ Лебедев. – Десант обойдется без участия посторонних лиц.

По лицу Арсюхи проползла недовольная тень, лейтенант ее заметил, полюбопытствовал:

– А что, собственно, вы хотите там делать? В чем заключалась бы ваша помощь?

– Я умею хорошо стрелять из винтовки.

С берега в это время донеслось несколько выстрелов, они всколыхнули застойный медовый воздух.

– Как вы поняли, там есть мастера популять из винтовки и без вас. Слышите, как лупят?

– Слышу, – недовольно отозвался Арсюха.

– Никаких других причин сойти на берег у вас нет? – спросил лейтенант.

¹³ Плицы – лопасти парового колеса, захватывающие воду при его вращении.

– Нет, – соврал Арсюха, засек во взгляде лейтенанта недоверие и отвел глаза в сторону. Операции по продаже дефицитного товара Арсюхе хотелось начать сейчас же, сию же минуту, под прикрытием ружейной стрельбы... Хотя он прекрасно понимал, что это опасно, но в нем словно бы проснулся некий нетерпеливый бес, который подталкивал его, требовал, чтобы Арсюха сейчас же спрыгнул с борта на берег. Если не удастся сбыть по выгодному тарифу тушенку, то удастся сделать другое – например, выгрести из-за икон в какой-нибудь избе, на время покинутой хозяевами, денежную заначку. Здешние мужики – не бедные, деньги копят упрямо, копейка к копейке, рубль к рублю, и накапливают приличные суммы, это Арсюха знал хорошо.

Лебедев, считая разговор законченным, отвернулся от Арсюхи, всмотрелся в берег, который штурмовали десантники Слепцова.

Послышалась короткая пулеметная очередь, потом еще одна; отзываясь на этот железный стук, грохнуло несколько винтовок, воздух сделался рябым, дырявым, и Арсюха поспешно спрятался за железный короб воздуховода. На носу миноноски гулко пальнула пушка. Снаряд унесся за нарядные белые дома.

Интересно, почему здесь дома белые? Во всех северных деревнях дома бывают темно-пепельные, зольного колера – это цвет натурального дерева, выгоревших, выхолощенных ветром, дождями, снегом, солнцем бревен, а в распадке, выходящем к реке, дома белого цвета... Интересно, кто тут живет? Какие такие богатые люди?

Очень хотелось бы это знать Арсюхе. Может, тут обитают какие-нибудь помещики из Южной Хохландии либо из Крыма? Среди северных жителей, поморов и чуди белоглазой, такой моды нет, есть только в Хохландии.

Пушка пальнула еще раз – видимо, события на берегу развивались не так, как хотелось бы капитану Слепцову, из-за кустов послышался задавленный протяжный крик «Ура-а-а!», и пушка рывкнула в третий раз. Корпус миноноски от каждого выстрела напряженно вздрагивал, грохот стоял такой, что в уши хотелось сунуть по деревянной затычке, иначе могли разорваться барабанные перепонки.

С берега в воду свалился солдатик без фуражки, без винтовки, взбил фонтан брызг, зачерпнул обеими руками воды, выхлебал пригоршню и проговорил жалобно:

– Винтовку у меня вышибло из рук пульей... – Солдатик был похож на небольшого сморщенного ежика. – Там такое творится, такое...

Солдатик махнул рукой и, зачерпнув голенищами воды, хлюпая сапогами, полез назад на берег. При каждом малом движении из голенищ у него с поросычьим чавканьем выплескивались темные радужные брызги, струйками ныряли в землю. Через полминуты солдатик исчез.

На берегу гроыхнуло несколько гранат, черные плоские взрывы метнулись в воздух.

– Иван Иванович, занесите в журнал время начала боевых действий. – Лейтенант призывно шелкнул кнопками перчаток и глянул на Рунге.

– Уже занес, – ответил тот.

– Хорошо. – Лейтенант выглянул из рубки. – Носовое орудие, прекратить стрельбу!

Орудие замолчало.

Лейтенант поднес к глазам бинокль.

* * *

Самым партизанским уездом в Северной области был Шенкурский. Жители этого уезда испокон веков были охотниками и рыбаками, брали добычи столько, сколько могли взять, начальство, какое бы оно ни было, особо не признавали, больше симпатизировали разбойникам, сбегавшим с северных каторг, как гимназисты сбегают с занятий перед Рождеством, – с завидным проворством и регулярностью. Но и разбойники жителям тоже не были указом –

могли свернуть голову самому лютому из них, и когда на Севере появились белые, красные, англичане, чехословаки, французы, голландцы, финны, всплыли даже наглые, горластые американцы, шенкурцы отнеслись одинаково плохо и к одним, и к другим, и к третьим.

– Вы сами по себе, а мы сами по себе, – говорили они, – нам не по дороге.

Удержать нейтралитет не удалось. Как только на северных реках появились английские мониторы, жители Шенкурского уезда взялись за винтовки. Этих лихих людей стали звать партизанами, еще – шенкурятами. Следом за оружие схватились так называемые тарасовцы. И пошло, и поехало, и понеслось... Не остановить.

Если из тарасовцев состоял один из лучших полков миллеровской армии – Седьмой – и эти люди дрались только на стороне Миллера, то с шенкурятами дело обстояло сложнее. Во-первых, часть их оказалась на стороне белых, другая часть, меньшая – красных, во-вторых, они били всех, кто появлялся на их земле, – всех, с кем были в чем-то несогласны, расходились во мнениях.

Поэтому, кто знает, может, отряд капитана Слепцова сцепился именно с шенкурятами – красного, естественно, цвета. А может, и нет – это дано узнать, только взяв кого-нибудь из них в плен.

Цепь, ведомая Слепцовым, достигла домов, обошла их с обеих сторон и углубилась в тайгу.

Связи со Слепцовым не было никакой, и это раздражало лейтенанта.

– Я не привык так воевать, – пожаловался он Рунге.

– Я тоже, – ответил тот.

Над водой носились крупные тяжелые птицы, вспарывали крыльями воздух, вызывали ощущение некой нереальности, словно они прибыли из другого мира. Это были чайки, которым надлежало жить на море и морские просторы не покидать, но они начали осваивать реки, забираться в глубь материка, будто и не чайки это были, а птицы менее романтические – беспардонные наглые вороны.

Время меняло не только людей – меняло птиц.

До миноноски донеслось несколько взрывов, затем – длинная пулеметная очередь. Лебедев поднес к глазам бинокль, взгляделся в берег. Пожаловался:

– Ничего не видно. Не то можно было бы подсобить огнем из наших стволов.

В лесу снова раздалось несколько разрывов.

Надо было ждать. Лебедев вспомнил о матросе, который просился на берег, повел в сторону леса подбородком:

– Может, нам послать туда пару наблюдателей? А, Иван Иванович? Если понадобится огневая поддержка, наблюдатели подскажут.

Рунге согласно кивнул:

– Можно послать.

На берег пошли Арсюха и Андрюха. Оба с винтовками. Пригнувшись, они побежали до домов. Арсюха нырнул за поленницу, хорошо прикрывавшую от пуль, сказал напарнику:

– Ты дуй в лес, погляди, что там, а я пока в домах проверю, нет ли тут... красных диверсантов. – Арсюха решительно передернул затвор винтовки и толкнул дверь крайней хаты.

Дома на Севере, особенно в деревнях, запирасть на замок не было принято, все двери, если хозяева куда-то уходили, затыкали обычным сучком – всовывали его в замочные ушки, тем и ограничивались. Либо просто подпирали дверь лопатой.

Этого было достаточно – воровства в здешних деревнях не наблюдалось.

Если же кто-то неожиданно приезжал в гости, то мог выдернуть сучок из петель и войти в дом, чтобы не ждать хозяина на улице. Арсюха даже выдергивать сучок не стал, просто сшиб его, толкнул дверь и очутился в доме.

Изба была чистая, просторная, изнутри также тщательно побеленная, как и снаружи, с образами, висящими в углу.

Над аккуратно застеленной «коньевым» одеялом кроватью висела зыбка, завешенная плотной тканью. Арсюха первым делом потянулся к зыбке – знал, что хитрые хозяева прячут свои сбережения в самых неожиданных местах – в кастрюлях, в перевернутых махотках – литровых глиняных крынках – и в зыбках, ассигнации заворачивали в брезент, чтобы «хрусты» не подмокли, засовывали в подстилки, на которых лежали детишки, – и в то же мгновение оставил себя: хозяева этого дома принадлежали к другой породе людей. Арсюха ухмыльнулся и полез за иконы.

Улыбка на его лице сделалась еще шире – деньги находились там. Завернутые в белый платок, перевязанные бечевкой, они лежали плотным комком, и, судя по тугости и толщине спрессованного комка, денег в платке было немало.

– Вот так экземпляр, – проговорил Арсюха довольно, улыбнулся и стремительным движением сунул деньги за пазуху. Неожиданно за его спиной послышался шорох. Арсюха стремительно обернулся. В проеме двери, на пороге, стоял бородатый стареющий мужик в просторной неподпоясанной рубахе, со светлым немигающим взглядом.

Еще Арсюха увидел, что справа от двери, на стене, зацепленное ремнем за крюк, висит охотничье ружье. Если мужик доберется до ружья прежде, чем Арсюха вскинет винтовку, экспроприатору с миноноски каюк.

Но экспроприатор был опытным воякой, знал, какие неожиданности могут подстергать его в таких операциях, винтовка Арсюхина находилась под рукой, стояла на боевом взводе... Ко всему прочему еще не факт, что ружье, висящее на стене, заряжено, оно вполне может оказаться пустым. Арсюха ухмыльнулся и качнул стволом винтовки:

– Тебе чего, мужик?

– Что ты тут делаешь, лихоимец? – тихо и очень спокойно спросил мужик.

– В вашей деревне проводится операция по наведению порядка, – с достоинством произнес Арсюха. – У нас есть данные, что в этом доме скрывается красный партизан.

Лицо мужика тронула горькая улыбка.

– Двенадцать лет живу в этих местах, а ни разу не видел красного партизана, – произнес он задрожавшим, каким-то севшим голосом.

Арсюха это опасное дрожание уловил, очень хорошо понял, что может произойти дальше, и ткнул в мужика стволом винтовки.

– А стрельба тогда откуда? С кудыкиной горы? Ты это... давай собирайся! Пойдешь со мной на монитор.

Мужик неожиданно усмехнулся и отрицательно помотал головой:

– Никуда я не пойду. Зачем мне идти на монитор?

Арсюха сказал жестко, раздельно печатая слова, будто собирался отлить их в металл:

– На мониторе с тобой будет разговаривать следователь. Если ты связан с красными партизанами, тебя расстреляют. Понял, дед?

Мужик усмехнулся и, неловко качнувшись, оперся рукой о стену и сделал крохотный шаг к ружью. Затем сделал второй шаг. Арсюха оценивающе посмотрел на него – фиксировал каждое движение этого человека, и когда мужик сделал очередной шаг, выстрелил.

Пуля вошла мужику в грудь, прибила его, будто гвоздем, к стене... Из-под тела мужика выбрызнула струя крови, окрасила известковую стенку в страшноватый красный цвет. Мужик застонал. Он был жив, продолжал держаться на ногах.

Арсюха нажал на спусковой крючок вторично. Вновь гулко бабахнула винтовка. Вторая пуля всадились мужику в голову, и кровью оказалась забрызгана половина стены, мужик уронил руки и тихо сполз на пол.

– Ну вот, гад, – Арсюха подмигнул пространству подбитым глазом, – а то задергался, к ружью потянулся... А зачем, спрашивается, тебе ружье-то? – Арсюха передернул затвор винтовки, загнал в ствол новый патрон и, шагнув к стене, сорвал с крюка ружье.

Переломил его. Стволы были пусты. Арсюха швырнул ружье на пол и вышел из избы.

Направился ко второй хате.

Дверь ее так же была заперта деревяшкой – специально выструганной рогулькой. Арсюха мощным ударом ноги вышиб рогульку из петель. Очень для этого подходили английские ботинки, в которые он был обут, – удар получился точным, ловким, сильным – кр-расота. Арсюха ворвался в избу.

Здесь он также нашел тугой денежный сверток, спрятанный за иконами. Этот сверток был даже больше того, что он взял в первой избе. Значит, и люди здесь жили побогаче. Наверняка в этом доме есть не только бумажные ассигнации – есть настоящие деньги – золотые червонцы. Арсюхино лицо преобразилось, глаза запылали жадно. Где может находиться золото – в этом доме, где? Он бросил оценивающий взгляд в одну сторону, потом в другую, в третью.

Обстановка в доме была обычная, без признаков зажиточности. Стол, под окнами, вдоль стен, – лавки, два старых венских стула с облезшим лаком стоят рядом с лавкой, два таких же стула, только новеньких, темных, изящных, прислонены к лавке с другой стороны. Печь с широкой черной загнеткой. Зев прикрыт железной заслонкой, к которой приклепана желтая латунная ручка.

Как-то Арсюха слышал от одного бывалого человека, что деревенские старухи любят прятать золото в печках. Облюбует себе бабка стеклянный медицинский пузырь с притертой пробкой и широким горлышком либо обыкновенную пол-литровую банку, сунет в нее монеты и – в печку, за загнетку. Ни один вор не догадается, что клад там. Кроме, конечно, хитроанов, королей воровского мира, которые просчитывают действия таких старух на полтора десятка ходов вперед.

Себя Арсюха считал хитроаном с хорошо устроенными мозгами. Он поспешно ухватил заслонку за латунную ручку, отбросил в сторону.

Заглянул в темное, пахнущее золой и хлебом нутро печи. Глубоко заглянул, даже страшно сделалось; ожидая, когда глаза привыкнут к темноте, вдохнул в себя теплый воздух, ткнул рукой в одно место – пусто, в другое – тоже пусто, в третье – пусто. Никакой тут кубышки с золотом нет.

Но золото в этой хате имелось, точно имелось, Арсюха чувствовал его своим нутром, «жабрами», кожей... Он отошел от печи, огляделся. На кровати была пышно взбита перина, в перину вдавлены тяжелые перьевые подушки, этакой крепостной башенкой, одна подушка на другую.

Арсюха метнулся к кровати, отшвырнул в сторону одну подушку, помял ее руками – не прощупается ли где под наволочкой, в мягком курином пухе что-нибудь твердое, кубышка, банка либо просто сверток, набитый дорогим металлом. Нет, ничего твердого...

Он подтащил к себе вторую подушку, тщательно ощупал ее – тоже ничего нет. Была пуста и третья подушка. Арсюха озадаченно выматерился.

Неужели чутье подводит его? Такого раньше не случалось. Он залез в посудную полку, заглянул в фаянсовую сахарницу, накрытую крышкой, – там только крепкий, порывевший от времени сахар, наколотый мелкими кусочками. Ничего не оказалось и в березовом теске, и в большой стеклянной банке с солью. Арсюха перевернул банку на один бок, потом – на другой, посмотрел, нет ли внутри чего подозрительного...

Ничего, кроме соли, в банке не было. Арсюха застонал от возбуждения, огляделся вновь. Ну где же золото, где? Он ощущал его ноздрями, корнями волос, кончиками пальцев, ногтями – оно было в этой избе, может быть, даже глядело сейчас на Арсюху, хлопало глазами, стараясь привлечь его внимание, но Арсюха золота не видел. Лишь ощущал его.

Он вновь зашарил глазами по хате, перепрыгивая с одного предмета на другой, задержал взгляд на тяжелой, отлитой из темного стекла лампаде, висевшей перед иконами.

А ведь в лампаде этой можно запросто спрятать три десятка золотых червонцев. И не только червонцев, но и пятнадцатирублевых монет, желанных, ярких, крупных. У Арсюхи даже губы посвежели, сделались красными, как у девицы, от предчувствия удачи.

Он сдернул с цепочки лампаду, выплеснул масло на пол, разочарованно поехал ртом из стороны в сторону: золотых монет в лампаде не было. Отшвырнул пустую лампаду в сторону и вновь заскользил взглядом по пространству. Ну где это золото? Им так здорово пахнет... Оно должно находиться на поверхности... Где оно? Арсюха почувствовал, как в нем все напряглось, голова налилась чугуном ошпаривающим жаром, на лбу появился пот.

Взгляд его вновь заскользил вокруг. Остановился на тяжелом, обитом медными обручами сундуке, стоявшем недалеко от кровати. Явно изделие древнее, лет двести ему, не менее. На сундуке висел небольшой, нарядный, с цветными заклепками замок. Арсюха подскочил к сундуку и что было силы саданул прикладом винтовки по замку, выбил его вместе с петелькой и накинута на нее плоской медной шлевкой.

Замок с тихим звоном покатился по полу – он, оказывается, даже не был закрыт, дужка отвалилась, отпрыгнула в сторону. В сундуке лежало праздничное бабье тряпье – платье с вышивками и кружевами, несколько сарафанов. Арсюха стволем винтовки поддел один из сарафанов, откинул его в сторону, потом поддел второй. Также откинул в сторону.

Потом нагнулся и запустил руку в сундук. Пошарил в одном углу, потом во втором, затем, подняв одежду дыбом, залез в третий угол. Когда он нащупал железную, из-под чая, коробку, лицо его радостно вспыхнуло. Он выдернул коробку и захлопнул сундук. Коробку поставил на крышку сундука. «Чай китайский. Из магазина Чурина» – было написано на жестяном поблескивающем яркими красками боку. Арсюха довольно потер руки.

Открыл коробку, и у него в нехорошем изумлении отвисла нижняя челюсть – в коробке находились пуговицы. Самые разные. Роговые, эбонитовые, медные, железнодорожные с молоточками, черепаховые, морские, с якорями. Арсюха колупнул гору пуговиц пальцами и выругался матом. Вот невезение!

Ну где же здесь может быть спрятано золото? Где-нибудь в кастрюлях, на печке, среди пучков сушеных трав? Или еще где-то? Он полез на печь, но золота не нашел и там. Не нашел и в банке с крупой.

Мимо окон пробежал солдат, с трудом держа в руках длинную тяжелую винтовку. Арсюха проводил солдата взглядом, заметался по дому. Не может быть, чтобы здесь не было золота. Арсюха чувствовал его своим тонким нюхом, ощущал его призывный запах, ловил ноздрями токи, исходящие от золотых монет, единственное что, не мог только понять – где конкретно эти монеты находятся.

Он заметался по дому с еще большей прытью, чем пять минут назад. Снова сунулся в печь, за загнетку, потом вновь обшарил иконы, затем проверил лаз под печью, где хранились ухваты, исследовал чугуны, вторично забрался в посудный шкаф, перетряхнул его, разбил пару чашек и не поморщился, как говорят в таких случаях, перевернул несколько пустых тазов и ведер – нич-чего...

И все-таки монеты он нашел. Они находились в старой холщовой сумке, выцветшей до желтизны, подвешенной к потолку в укромном месте. Мешок был плотно набит травами, связанными в пучки – лечебной ромашкой, мятой, зверобоем, чабрецом, брусничными листьями, украшенными ломкими острогрудыми листочками, а под травами, на дне, завернутые в несколько выдранных из журнала «Нива», сложенные столбиком, лежали золотые десятирублевки. Арсюха с радостным визгом выгреб монеты из сумки, поспешно пересчитал их и вынесся из хаты.

Отряд капитана Слепцова возвращался из тайги цепью, словно прочесывал местность. Рядом со Слепцовым шел детина с сильным кривым загорбком и нес на плече добычу – ручной пулемет. Поравнявшись с Арсюхой, детина произнес насмешливо:

– Спасибо, мореман, своими фингалами ты нам здорово подсветил дорогу.

Слепцов глянул на Арсюху остро, зорко и, не произнеся ни слова, стукнул стеком по краге, прошел мимо.

– Друг, а где мой напарник? – задал вдогонку вопрос Арсюха детине с пулеметом. – Не видал?

– Не видал. Может, грибы собирает? В лесу много белых грибов. – Детина звучно шлепнул себя ладонью по загривку. Над головой его немедленно воспарила густая куча комаров. – Во посланцы кайзера! – выругался детина, перекинул пулемет с одного плеча на другое. – Война с немцами давно кончилась, а они все норовят кровь сосать.

Тут Арсюха увидел Андрюху Котлова, возвращавшегося на миноноску в цепи пехотинцев. Арсюха кинулся к нему:

– Ну что, живой? Я слышал выстрелы...

– А чего со мной делается? Это пустяки, – небрежно произнес Андрюха. – Пальба из пугачей.

– Миноноска, я посмотрел, десанникам ничем помочь не могла, – сказал Арсюха, – стрельба вслепую – штука такая... В своих можно попасть.

– Так нас за тем и послали, чтобы слепых попаданий не было.

– Корректировка огня была невозможна, понял? – четко, наполняя слова опасно зазвеневшим металлом, отпечатал ответ Арсюха. – Понял?

– Понял, – нехотя отозвался Андрюха. Такая постановка вопроса ему не нравилась.

Арсюха это почувствовал и проговорил, смягчаясь:

– За то, что все понял, получишь от меня банку консервированной клубники. Очень сладкая штука. Хороша для того, чтобы огрызок почаще поднимался.

В ответ Андрюха лишь махнул рукой. Спросил:

– А у тебя дела как сложились?

– Не без приключений. Один чудик на меня с ружьем прыгнул. Пришлось усмирить.

– Справился?

– Конечно. Лежит, сердечный, отдыхает. Лапти сушит.

– Надеюсь, ты его не убил?

– Не убил, – соврал Арсюха. – Высушит лапти – поднимется.

Через двадцать минут караван из номерной миноноски и двух мониторов двинулся по угрюмо затихшей Онеге дальше.

* * *

Миллер не раз ловил себя на мысли, что чем старше он становится, тем чаще и чаще прокручивает перед собой собственную жизнь, словно бы она, все ее эпизоды сняты на пленку «синема» – проверяет, всегда ли он был прав, справедлив, честен, открыт, нет ли в его биографии страниц, которых нужно стыдиться.

По характеру своему Миллер был человеком мягким, интеллигентным, совершенно невоенным, он даже к солдатам, арестованным за мародерство, обращался на «вы». В армии такие люди работают в основном в штабах; лобовые атаки, призванные опрокинуть противника, перекусить ему горло – не для них, это люди другого склада.

На фронте, под Митавой и Ригой, Миллер физически страдал от грубостей генерала Плеве, для которого было все равно, кому грубить – унтеру, вышедшему из боя с двумя ранениями, царскому адъютанту или же своему коллеге-генералу. Плеве был, как подчеркивали его

современники, груб, педантичен, мелочен, требователен, с мозгами, сдвинутыми набекрень, что, к слову, не мешало ему действовать очень умело на фронте, с полководческой выдумкой, когда этого требовала обстановка. Впрочем, Плеве уже нет, Плеве – это отработанный пар.

Сухой, желчный, с костяным сухим теменем, Плеве любил вести с Миллером нравоучительные беседы за вечерним чаем. Пил Плеве чай из толстобочного зеленого стакана, вставленного в дорогой серебряный подстаканник очень изящной работы, делал это азартно, шумно, много, потел и с громким хрустом разгрызал своими крепкими зубами куски сахара.

– Тестя вашего генерал-адъютанта Шипова Николая Николаевича я знал очень хорошо, – говорил Плеве Миллеру и отправлял в рот очередной кусок сахара, тот со стуком всаживался в челюсть и откатывался под зубы, словно снаряд; Плеве делал на сахарный кусок нажим и с треском разваливал его. – Хорошо! – по-лошадиному мотал Плеве тяжелой головой, схлебывал с мокрых усов пот. – Добрейшей души был человек! – хвалил он отца Таты.

– Да, добрейшей, – соглашался с ним Миллер.

– Авторитет у него был не меньше, чем у министра двора, – добавил Плеве.

– Мне это неведомо. – Голос Миллера сделался сухим.

– А вы, голубчик, как мне сказывали, одно время вообще проходили по гражданскому ведомству?

– Так точно! Через год после окончания Николаевской академии.

Академию Генерального штаба – Николаевскую, предмет вождения всех без исключения провинциальных офицеров, Миллер окончил в 1892 году, а в 1893 году был уволен с военной службы, как было сказано в приказе, для «определения к штатским делам, с переименованием в коллежские асессоры», – и стал молодой Евгений Миллер после этого обычной «штатской крысой», как с печальной иронией говорил он про себя, а Таточка подтрунивала:

– Выходила я замуж за блестящего гвардейского офицера, а оказалась за обычным гражданским чиновником. – Она прижималась к груди мужа и огорченно вздыхала: – Эжен...

– Я еще буду носить погоны, Тата, все это впереди.

Миллер знал, что говорил: через три года он снова надел офицерский мундир с серебряными аксельбантами, свидетельствующими о принадлежности к Генеральному штабу. Гражданское чиновничье звание было трансформировано в военное, и на плечах у Миллера стали красоваться погоны капитана.

Прошло еще два года, и Миллер получил назначение на должность военного атташе в русское посольство в Бельгии и Голландии – два посольства тут были совмещены в одно.

Таточка была счастлива – о такой карьере мужа, на которого неожиданно натянули гражданский сюртук, а значит, понизили, – она даже не мечтала.

Из капитанов Миллер очень скоро переместился в подполковники. Жизнь была прекрасна. Его принимали в высшем свете как своего, он часто выезжал в Париж.

Через три с небольшим года Миллер получил новое назначение – стал русским военным агентом в Риме и несколько месяцев спустя был произведен в полковники.

Семь лет, прожитые в Италии, оставили неизгладимый след – Миллер стал ощущать себя западным человеком. У него даже характер изменился.

Однако надо было возвращаться на родину, отрабатывать воинский ценз, без которого он не имел ни одного шанса стать генералом, какими бы блестящими ни были его успехи.

В течение полутора лет Миллер командовал гусарским полком и одновременно – несколько месяцев – кавалерийской дивизией; в 1909 году – спокойном, полном дачных романов и соловьиного пения, – получил звание генерал-майора. С новым званием Миллера ожидало новое назначение – он возглавил в Генеральном штабе отдел, который руководил всеми военными агентами, находящимися за границей, координировал их действия, а также собирал сведения об армиях могучих государств, независимо от того, как они относились к России:

были друзьями либо, наоборот, посматривали на Санкт-Петербург из-под нахмуренных бровей.

Внес Миллер в сухие служебные отношения Генштаба и новую струю – он часто собирал своих офицеров на общие завтраки, сам первым садился за стол, занимая место «главы семьи»... Эти завтраки, очень веселые, с подначками и необходимыми шутками, рождали неформальное отношение в отделе, сближали сотрудников и полюбились всем... Миллер умел быть душой компании.

Прошел еще один год, и генерал-майор Миллер получил новое назначение – стал начальником Николаевского кавалерийского училища. Училищный быт он знал хорошо – сам прошел через него, случалось, и портупей-юнкеров – взводных командиров – разыгрывал, и верховодил в «цуке» – своеобразной дедовщине, которая водилась в армии во все времена и периодами расцветала пышным цветом. Старшие юнкера – без пяти минут офицеры – всегда любили покататься верхом на первогодках – ничего зазорного в этом не было... При Миллере «цук» расцвел еще больше, но ни одна жалоба к отцам-командирам не поступила.

Да и какие могут быть жалобы, если сам начальник училища считал, что катание старших юнкеров верхом на младших – вещь вполне законная? Единственное, о чем просил Миллер, – не галдеть в комнатах, расположенных над его квартирой, не пугать подрастающего сына Николая – младшего в семье, и дочь Софочку.

В холодном, необычайно снежном январе 1912 года генерал Миллер переехал в Москву на ответственную штабную работу. Он стал начальником штаба Московского военного округа – одного из самых крупных и мобильных в России, войсками этого округа командовал сухой, желчный, очень придиричивый генерал Плеве.

С тех пор судьбы Плеве и Миллера оказались тесно связанными, два генерала шагали по одним и тем же тропкам, причем Плеве любил посидеть верхом на Миллере, как юнкер-выпускник на первогодке, и Миллер это терпел, хотя было очень противно.

Так они вдвоем, рука об руку, и вошли в войну четырнадцатого года, поскольку по мобилизационному плану из войск округа была сформирована Пятая армия, а штаб округа автоматически преобразовался в штаб армии. Плеве стал еще более желчным, более раздражительным; всех, кто попадался ему на глаза – от солдата до генерала, ставил во фронт и начинал отчитывать. Глаза у него были готовы вылезти из орбит, усы дрожали, рукой он азартно взмахивал, будто профессор на кафедре. Точно так же он относился и к своему начальнику штаба: учил его жить, воевать, пить чай и видеть хорошие сны.

Если Миллер опаздывал к нему на утренний доклад на полторы минуты, Плеве устраивал скандал.

Противно было находиться рядом с этим желчным стариком, но военачальником Плеве был все-таки хорошим – в развернувшейся на Юго-Западном фронте Галицийской битве он заставил немцев побежать с такой скоростью, что у них даже кокарды с касок поотлетали.

За успехи в конце 1914 года, за Галицийскую и Лодзинскую операции Миллеру было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Плеве делался все более угрюмым, язвительным до обмороков, терял контакт с людьми, в том числе и со своим начальником штаба.

Из Пятой армии они вместе проследовали в Двенадцатую, потом Плеве повысили, он стал командовать группировкой из трех армий, затем, временно, – Северным фронтом (командующий этим фронтом генерал Рузский внезапно заболел и был увезен в госпиталь), и вот на Северном-то фронте все и увидели, что у Плеве не все в порядке с головой – он просто-напросто впадает в маразм, готов ковыряться в носу, ходить по штабу с расстегнутыми штанами и пускать по лужам бумажные кораблики.

В феврале 1916 года его освободили от должности по состоянию здоровья, а через месяц, в марте, Плеве скончался.

* * *

Ночью на улице грохотали английские грузовики, мешали спать. Утром к Миллеру заглянула жена – бледная, с опухшими глазами. Несмотря на возраст, Тата была все еще красива.

– Эжен, нельзя ли запретить ездить по нашей улице грузовикам и танкам? – спросила она.

Миллер улыбнулся грустно, понимая:

– Можно, Тата.

– Сделай, пожалуйста, прошу тебя.

Улыбка на лице Миллера стала еще более грустной.

– Это будет непатриотично, Тата, – сказал он.

Наталья Николаевна вздохнула, склонила голову.

– Ах, Эжен, – произнесла она удрученно, потом, уловив в лице мужа тревогу, вновь подняла глаза. Спросила: – Тебя что-то тревожит, Эжен?

– Абсолютно ничего, – спокойным тоном ответил он.

– Нет, тебя все-таки что-то беспокоит.

– Я часто вижу сны из прошлого, – признался он. – Иногда пью чай с покойным Павлом Адамовичем Плеве.

Наталья Николаевна передернула плечами.

– Это плохие сны, Эжен.

– Да уж... Ничего хорошего, – согласился с женой Миллер, усмехнулся грустно, – пить чай с покойником.

– С собой переместиться в нети не приглашает?

– Слава богу, нет.

Миллер не стал говорить жене, что видел другой худой сон – черный, с галдежом ненасытных ворон и низким, залитым пороховым дымом небом... Во сне его били солдаты. Миллер хотел проснуться, но не мог – лицо его дергалось, он переворачивался с боку на бок, болезненно вскрикивал, но не просыпался. Он словно был заколдован – слышал звуки, проникающие в дом извне, сквозь сжим век видел серые тени, ползающие по потолку спальни, но проснуться не мог – не получалось, сон цепко держал его.

Генерала действительно здорово избили весной семнадцатого года солдаты. Произошло это на второй день Пасхи. В небольшом городке Кимполунги стояло два корпусных штаба – пехотный и кавалерийский. Дул теплый ветер, на прозрачных, уставших от зимней спячки ветках начали зеленеть почки, а в щелях между камнями брусчатки появились тонкие ломкие стебельки.

Дышалось легко, настроение было приподнятым, праздничным: Пасха есть Пасха... На столе у Миллера стояло блюдо с крашеными яйцами – ординарец генерала оказался большим мастаком по этой части: из обычной луковой шелухи он сумел приготовить краску нескольких тонов – от легкой охристой, с персиковым оттенком, до густой красной, благородной, сочной: отдельно в углу, на маленьком столике, красовался кулич, накрытый расписным рушником.

В двенадцать часов дня в Кимполунги прибыла маршевая рота, которой после отдыха и пасхального обеда с чаркой надлежало отправиться дальше, в окопы.

В роте находилось несколько агитаторов, противников войны, – напористых, горластых, с красными бантами на шинелях.

– Осталось совсем немного до нашей победы! – кричали они. – Когда мы с немцами станем кумовьями и окончательно побратаемся с ними, то установим мировой коммунизм. Зачем нам воевать с кумовьями, когда мы можем пить с ними шнапс?

Маршевая рота в едином порыве взметнула над собой винтовки, выдохнула что-то в непонятном смятом крике – только вороны испуганно взметнулись в воздух, затрепыхались в нем, похожие на темные смятые тряпки.

Миллер наблюдал за этой картиной из окна. Невольно поморщился. «Сброд какой-то, а не солдаты... Толпа животных. Как с этими людьми идти в атаку? Нельзя идти. Они могут развернуть свои винтовки и выступить воедино с немцами. – Внутри у Миллера возникло холодное протестующее чувство, он отрицательно мотнул головой. – Нет, можно идти и нужно... Только людям этим все надо объяснить. Выйти на улицу и объяснить». Миллер натянул на голову фуражку и направился к двери.

Это было ошибкой.

Солдаты, только что галдевшие, будто грачи, угрюмо затихли – над площадью повисла тяжелая опасная тишина – ни шороха, ни единого скребка, ни слова, ни вздоха – возбужденные люди словно окаменели. Миллеру показалось, что солдаты при виде его оробели. Но это было не так.

Вот он наткнулся на один твердый, исполненный ярости взгляд... Вот второй такой взгляд, вот третий... А вот глаза вообще сумасшедшие, белые, вываливаются из орбит.

Остановиться? Повернуть назад? Краем глаза Миллер засек двух сгорбленных писарей, метнувшихся в сторону и нырнувших друг за дружкой, будто крысы, в большую дыру в заборе. А эти деятели что тут делают? Им место – в канцелярии стрелкового корпуса, а не в чужой маршевой роте.

Не знал Миллер, что именно эти писарчуки только что выступали против него и подбивали маршевую роту арестовать двух командиров корпусов – пехотного и кавалерийского – и устроить над ними суд.

Вид у маршевиков был не только злой, но и изрядно потрепанный – усталые, помятые, небритые лица, сбитые набок запыленные сапоги со стоптавшимися каблуками, подсумки, грузно оттягивающие поясные ремни, винтовки с примкнутыми штыками...

Ни останавливаться, ни тем более поворачивать назад было нельзя – это будет сродни трусости. А трусом Миллер никогда себя не считал.

Он ощутил холод, возникший внутри, под ключицами, мотнул упрямо головой, борясь с этим холодом, и в следующее мгновение увидел штыки, направленные ему в грудь.

Из толпы маршевиков выскочил рыжий круглоголовый солдат, хлопнул себя ладонью по тощей ляжке и проговорил насмешливо и зло:

– Ну что, генерал, допрыгался?

У Миллера что-то перехлестнуло горло:

– Не смей так со мной разговаривать!

– Как? – Рыжий сощурился.

– На «ты». Я не кухарка, чтобы мне тыкать!

Из жестко прищуренных крыжовниковых глаз рыжего выплеснулся огонь. Он фыркнул по-кошачьи, сплюнул себе под ноги, показывая наглядно, что для него значит генерал, растер плевков сапогом.

– Сейчас новая власть и новые генералы в ходу, – сообщил он, – революционные генералы. А с вами, со старорежимными царскими холоуями, что хотим, то и будем делать.

Миллер не успел ответить рыжему наглецу. К нему подскочил еще один рыжий солдат – такой же проворный и тощего, как и первый, со всего маху ударил генерала по плечу прикладом винтовки. Не ожидавший подлого удара Миллер чуть не слетел с ног, согнулся, потом резко и гневно выпрямился. Фуражка слетела у него с головы.

– Шкура немецкая! – проорал второй солдат, с презрением цыкнул сквозь зубы. – Предатель!

Никогда в жизни еще не было, чтобы Миллеру бросали в лицо такие слова. А главное – несправедливые: он ни предателем, ни шкурой немецкой не был – старался честно служить России и в полной мере отрабатывать хлеб, который ел. Миллер почувствовал, как спазмы перехватили ему дыхание. Будучи не в силах что-либо сказать, он отрицательно помотал головой.

Рыжий в ответ передернул затвор винтовки. Следом передернули затворы еще несколько человек.

– Ты арестован, шкура немецкая, – объявил рыжий звонким, не знающим пощады голосом. – Будешь предан справедливому революционному суду.

Что это за суд, Миллер хорошо знал.

Все происходило под окнами штаба корпуса, которым Миллер командовал. Он рассчитывал, что из дверей штаба выбежит комендантский взвод, заступится за него, либо хотя бы оттуда выкатят пулемет, но никто в штабе даже пальнем о палец не ударил, чтобы спасти своего командира.

Генерала посадили в кутузку, один из рыжих наглецов хотел было содрать с него погоны, но маршевики воспротивились:

– Не надо, это лишнее.

– Но ведь писаря талдычили: это – гад!

– Писаря – это еще не вся революционная масса. А что, если эти мастера скрипеть пером возводят напраслину? А?

Рыжие молчали.

– Вот то-то и оно, камрады! Пусть во всем разберется революционный суд, он точку в конце предложения поставит самую безошибочную.

Камера, которую отвели Миллеру, была маленькой, холодной, со скудным светом, едва проникающим сквозь крохотное каменное оконце. Миллер думал, что его расстреляют, – на фронте поднимали на штыки и пачками шлепали из винтовок офицеров, среди жертв были и генералы – но все обошлось; видимо, родился генерал Миллер под счастливой звездой.

Командовать корпусом после этого случая он категорически отказался и отбыл в Петроград. Оттуда в августе семнадцатого года отправился в Италию – представителем Ставки при Итальянском главном командовании, там его застало известие об Октябрьской революции. Революцию Миллер встретил в штыки и отказался ей подчиняться, в сентябре восемнадцатого года перебрался в Париж. Цель у него была одна – из остатков русских пехотных бригад, которые два с лишним года сражались с немцами на Салоникском фронте и во Франции, сколотить боеспособный корпус и вернуться с ним в Россию.

Мысль была хорошая, да вот гроша ломаного она не стоила – Евгений Карлович остался при своих интересах. Только время было зря потеряно: на воплощение этой идеи Миллер потратил больше года. Пропил дорогое время с несколькими сотнями чашек кофе на Елисейских Полях, проел со свежими круассанами – восхитительными парижскими булочками.

Единственное полезное, что осталось от той поры, – умные беседы с послом Маклаковым. Миллер сошелся с ним. Особенно это оказалось кстати, когда взбунтовались солдаты Первой и Третьей особых пехотных бригад и потребовали немедленной отправки в Россию – «делать революцию», но вместо этого были отправлены в Африку на принудительные работы.

– Домитинговались! – горестно констатировал Маклаков, хотя суровые действия французских властей он не осуждал.

Миллер тоже не осуждал, но ему было жаль русских солдат – с ними поступили, как с безродными каторжанами, а ведь многие из них были награждены французскими орденами.

– В чужой стране надо быть осторожным, – сказал он Маклакову, – даже если ты защищаешь ее флаг.

Маклаков попросил принести им в кабинет кофе.

– Как здоровье вашей супруги, Евгений Карлович? – поинтересовался он.

– Слава богу, Наталья Николаевна жива и здорова.

– По России скучаете?

– Очень, – признался Миллер, и это признание было искренним: несмотря на немецкие корни, он был совершенно русским человеком. С ранимой психологией, с желанием помогать другим, с тягой к бунту, с сочувствием к чужой боли, с неумением держать свою душу на железных запорах и так далее.

Наверняка его судьба сложилась бы по-другому, если бы он не вышел в сырой апрельский день на площадь, где толпились обозленные солдаты маршевой роты. Но получилось то, что получилось.

Маклаков с грустью улыбнулся.

– И я скучаю по России. Иногда мне снится русская зима. С лихой метелью, с морозом, с гиканьем ямщика, погоняющего лошадей, и жарко гудящей в доме печью. Еще снятся окна моего дома – все стекла в морозном рисунке. Просыпаюсь я после таких снов с мокрыми глазами. – Голос Маклакова сделался тихим. – Очень хочу в Россию.

– И я очень хочу. – Миллер вздохнул. – Наталья Николаевна тоже видит во снах Россию и стремится туда.

– Как глупо мы проиграли войну... – Маклаков указал женщине в строгом сером платье, принесшей кофе, куда надо поставить поднос. – Какой все-таки крученный финт выкинула матушка-история... Союзники России по войне Англия и Франция оказались победителями, а Россия, больше всех хлебнувшая, больше всех вынесшая, больше всех дравшаяся, – побежденная. Уму непостижимо! Не укладывается в голове то, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.